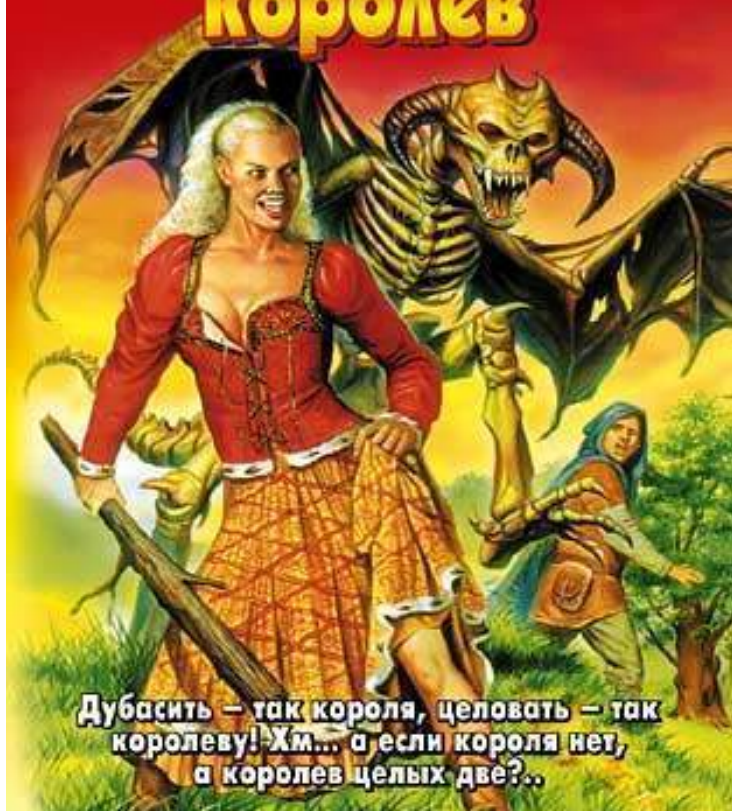

Надежда Первухина

Вежливость королев

Дубасить — так короля, целовать — так
королеву! Хм... а если короля нет,
а королев целых две?..

Надежда Валентиновна Первухина

Вежливость королев

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43707343

Аннотация

Если королева бросает свое королевство на произвол судьбы, ввязываясь в сомнительную авантюру, то у этого королевства есть два пути: либо благополучно развалиться, либо вернуть королеву-беглянку: Но Главный Советник герцог Дюбелье-Рено и его соратник ученый маг Уильям Гогейтис находят третий путь. И вместо одной королевы-стервы трон занимают сразу две королевы. В целом не стервы, а даже очень приличные дамы: стриптизерша и учительница фехтования. «Зачем две королевы?» – спросите вы. А для пущей надежности! И чтобы жизнь королевская медом не казалась!

Содержание

Предисловие не-автора	5
Часть первая	18
Часть вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Надежда Первухина

Вежливость королев

*Посвящается Анечке Титовой, юной особе с
королевским характером и грандиозными планами
на будущее*

Предисловие не-автора

Прошу меня сразу извинить. Неприятная штука – сознаваться в том, что вовсе не тебе принадлежит громкая честь первооткрывателя, душистые лавры гения и прочие подобные удовольствия. В случае с этой книгой произошла примерно такая же история: в строгом смысле я вовсе не являюсь автором данной книги (что а priori дает мне надежду на некоторое снисхождение читателя). Кстати, и эта книга – во всех смыслах – не являлась поначалу **книгой** и тем паче художественным произведением.

Поскольку извинения можно считать принесенными и, надеюсь, вполне достаточными, придется перейти собственно к истории появления рукописи (да, рукописью, пожалуй, это можно считать), которая и легла в основу «Вежливости королев», представляемой в данный момент на благосклонный суд читающей публики.

Впрочем, история рукописи не известна сейчас разве какому-нибудь отставшему от эшелона культурной жизни одичавшему мизантропу-анахорету. Ведь не далее как в 2057 году не только российская, но и мировая культурная общественность была буквально ошеломлена находкой загадочной рукописи, эстетическая, историческая, культурологическая и даже социопсихологическая ценность которой не подвергалась ни малейшему сомнению и ставилась на один уро-

вень с такими великими находками, как таблички с острова Пасхи, подлинник «Слова о полку Игореве», полное собрание школьных сочинений Венички Ерофеева, и тому подобными раритетами.

Также только ленивому не известно, каким образом была обретена для благодарного человечества эта рукопись, в исследовательских кругах получившая кодовое название «Рукопись Ожерелья» (поскольку плотный свиток толщиной с рулон голографических обоев был в несколько обхватов перевязан блестящей бечевой с нанизанными красивыми бусинами, напоминавшей ожерелье).

Рукопись по счастливой и буквально фантастической случайности обнаружилась за зеркальной стеной дамского туалета одного частного столичного ресторана: уборщица, поскользнувшись на свежевывитом мраморном полу, стальным древком своей швабры разбила зеркало вдребезги (следственная группа, которая вот уже несколько лет в состоянии строжайшей секретности работает по «Делу о найденной рукописи», так до сих пор и не смогла выяснить, почему именно у **этой** уборщицы «орудие труда» было с мощным древком из легированной стали, тогда как всюду давно применяются пластиковые и экзодеревянные). Прорабатывались даже версии, что уборщица на самом деле была тайным агентом, работающим сразу на три государства, стальная швабра же являлась ее личным сверхсекретным оружием, чем уборщица-шпионка и разбила зеркало, а обнаружи-

ла в пыльном паутинном зазеркальном простенке странный поблескивающий сверток лишь (повторимся) по счастливой случайности. Или, как утверждают создатели новых религиозных учений, возникших в изобилии после всемирно известной расшифровки «Рукописи Ожерелья», по воле некоего Верховного Разума Запретного Острова.

Дальнейшая история манускрипта тоже не представляет ни для кого тайны. На шум и звон стекла в туалет ринулись представители администрации ресторана, а прибежав, узрели, как из звездообразной, солидных размеров зеркальной дыры пресловутая уборщица (кстати, имя женщины и ее судьба широкой общественности до сих пор не известны, что косвенно подтверждает версию о причастности уборщицы к специальным службам) аккуратно достает порядком запылившийся, окутанный плотными слоями паутины, но сразу заблестевший при свете ламп странный объемистый сверток. И хотя террористические акты с обязательным минированием зданий, захватом заложников и подбрасыванием странных сумок или пакетов в общественный транспорт давно уже стали достоянием учебников истории, администрация ресторана вызвала спецподразделение по работе с неопознанными объектами, оперативно провела эвакуацию посетителей ресторана, вычла стоимость разбитого зеркала из оклада совершившей мировое открытие безымянной уборщицы, и лишь после всех этих мер найденный сверток решили перенести в один из ресторанных залов.

Исторический момент настал. Правда, тогда никто из присутствующих (даже злополучная уборщица) совершенно не подозревал об этом. Просто командир СПРНО – Специального подразделения по распознаванию неопознанных объектов – аккуратно возложил сверток почти посреди громадного банкетного стола, дал знак своей команде, что стояла наготове с многоразличными счетчиками-датчиками, приступить к необходимым замерам, а остальным приказал рассредоточиться по периметру стен на случай непредвиденного взрыва либо выброса отравляющих веществ (для подстраховки).

– Радиация – чисто, – через полминуты констатировал первый спец.

– Наличие белковых структур жизни – отрицательно, – через минуту и двенадцать секунд доложил следующий спец.

– Вирулентные формы жизни – отсутствуют, – сквозь маску пробубнил спец-биохимик тремя секундами позже.

– Наличие токсичных, взрывчатых, самовоспламеняющихся и подобных элементов – отрицательно. – Парень со шрамом в пол-лица отер пот со лба. И облегченно выдохнул через встроенный аппарат искусственного дыхания. Видно, нелегкая и неласковая была у парня работа.

– Наличие архаических атмосферных и морфически враждебных структур – в пределах допустимой нормы. – Главный эксперт по остаточной неиндифференции трянула медно-рыжими волосами. – Немного фонит, командир, но,

полагаю, это от паутины.

– Общие выводы? – Командир СПРНО нервно потер широкую орденскую планку.

– Объект не враждебен и пригоден для более детального исследования.

– В смысле?

– Пока мы не отчистим его хотя бы от паутины и пыли, не сможем выяснить, что это: испорченная колба от старого термоса или артефакт, который потрясет мир. – Зеленые глаза главного эксперта в сочетании с медно-рыжими волосами всегда производили нужный эффект научной убедительности.

– Я бы предпочел первый вариант, – усмехнулся командир, старательно разыгрывая перед подчиненными ретрограда и зашоренного чинушу. – Ладно. Займемся делом.

...И сброшена была пыль проклятых лет забвения.

...И порвана прочная паутина неверия и сомнения.

...И снята благоговейно была Благородная Печать Короны.

...И, словно кольца играющей змеи, скользнуло прочь от свитка опутывающее его Ожерелье Верности.

...И раскрылся свиток.

...И листы его были многочисленны, странны и прекрасны, словно лепестки священного цветка элриса.

...И потрясены были смертные, ибо никогда не видели они сего священного цветка.

...Ибо священный элрис не благословил своим произрастанием этой земли.

...И рекли прикоснувшиеся: «Не вемы, что сие за предивное явление предстало очесем нашим! Не вемы, что содеяти возможем с ним и како возможем, кольми не смеем абие скверными руками своими коснуться дивного сего явления!»

Вот так примерно и найдена была «Рукопись Ожерелья». В том, что найденный артефакт – именно рукопись, никто из СПРНО даже не сомневался. Главный эксперт, сверкая зелеными глазами и не забывая эффектно встряхивать медно-рыжими волосами, потребовала немедленно вызвать из Российской библиотеки специалистов по раритетам и передать находку в их заботливые руки.

Так рукопись оказалась в главной библиотеке страны. Культурная революция, свершившаяся в правление Нового Президента, сменившего своего предшественника (занимавшего пост главы России свыше пятидесяти лет), вернула погрязшим в меркантильно-рыночной этике россиянам истинные ценности духа, культуры и знания. Поэтому библиотеки считались настоящими оплотами государственности, оснащены были по последнему слову мировой библиотечной техники и гордились своим высокоинтеллектуальным персоналом (чьему интеллекту правительства менее развитых стран типа США всерьез придавали стратегическое значение).

Глава отдела информационных раритетов, получив в свое

распоряжение «Рукопись Ожерелья», не могла скрыть своего потрясения, и скоро весь мир узнал о том, что России в очередной раз крупно повезло, коль она стала обладательницей загадочного текста (но именно текста!), начертанного на материале не менее загадочного происхождения.

В исследовательском мире произошло примерно то же, что происходит в недрах деревенского нужника, если летом туда вбросить пачку дрожжей. Сотни специалистов лингвистов, филологов, историков etc бились над новой загадкой, пытаясь расшифровать текст, выяснить молекулярную структуру материала-носителя, разобраться с происхождением камешков загадочного ожерелья и ответить еще на тысячи вопросов, которыми забрасывала научную братию докучная общественность.

В мире коммерции и преступности забродили свои дрожжи. Манускрипт пытались купить для частных коллекций (11 589 раз), выкрасть для них же (871 422 раза), выкрасть для дальнейшего выставления на подпольных аукционах (212 776 раз), подделать и продать подделки (3 489 674 раза), совершить по отношению к нему акты обычного, а также и религиозного вандализма (12 330 971 раз).

Поэтому понятно, что «Рукопись Ожерелья» изучалась и хранилась при самых высоких мерах безопасности. Ее активно изучали в течение нескольких лет, но, не продвинувшись в своих исследованиях ни на йоту, научная общественность постепенно утратила пыл, объявила артефакт принципиаль-

но непознаваемым для нашего времени предметом и умыла руки. После чего год назад загадочный манускрипт был выставлен (под строжайшей охраной, разумеется!) для всеобщего обозрения в главном зале Информационных редкостей Российской библиотеки и, таким образом, стал еще одним экспонатом, к которому дежурные по залу библиотекари водили бесконечные экскурсии. Впрочем, и поток экскурсий со временем иссяк – человеческий ум быстро теряет интерес к абсолютно неприступным тайнам. Но однажды...

Однажды...

Как раз в мое дежурство по залу редкостей (я работаю библиотекарем в Российской библиотеке, я разве не упоминала?) произошло **событие** .

Я сидела возле книжных витрин, украдкой переслушивала новый сюрреалистический роман в стиле «белянтези» (жанр назвали по фамилии известного в конце XX – начале XXI века писателя) и надеялась, что ни мой покой, ни покой охранников никто не нарушит, как вдруг...

Ко мне подошла старуха. Да, самая настоящая старуха, с морщинами, седыми редкими волосами, трясущимися руками и сгорбленной спиной! И еще, кажется, у нее когда-то давно была травма переносицы, потому что нос выглядел как-ким-то... ступенчатым. Где же находилась эта дама, когда генетико-косметическая хирургия своими великими и славными достижениями вытеснила старость из нашей жизни – не понимаю. Но это детали. Я, конечно, отключила роман,

встала, почтительно поклонилась даме и осведомилась, что ей угодно.

– Где вы храните тарсийские хроники? – с чудовищным акцентом прошамкала она беззубым (О ужас! Так презирать достижения современной стоматологии!) ртом.

– Простите? Я не понимаю, о чем идет речь...

Старуха затрясла головой, а я заметила, что волосы у нее вовсе не седые, а скорее пепельно-серебристые.

– Конечно, ты не понимаешь, о чем речь, детка. – Опять этот акцент! – Скажу по-другому: где вы выставили «Рукопись Ожерелья»?

– Ах вот вы о чем! Пожалуйста, пройдемте, я покажу вам витрину.

Когда странная старуха увидела знаменитый разложенный под непробиваемым стеклом свиток, на ее губах появилась тень улыбки:

– О Тарсийская летопись лжи, вот мы и встретились! Кэ аронои маеновэно инг ологон! Проклятая летопись моего изгнания и позора, как долго я тебя искала в этом худшем из мыслимых миров!

Глаза старухи налились грозовой темнотой, а у меня по спине потек холодный пот, хотя я всегда пользуюсь специальным спинным дезодорантом-антиперспирантом. Старуха выглядела... не так. Не так, как мы – обычные люди! И эти ее непонятные слова, акцент, а главное...

Главное – это ощущение, что старуха и свиток знают друг

друга.

И люто друг друга ненавидят.

И боятся.

«А если старуха разобьет витрину и уничтожит раритет?» – мелькнула у меня совершенно безумная мысль, но я отогнала ее. Это же просто невозможно!

– Для меня уже нет ничего невозможного, тем более в вашем мире, – холодно изрекла старуха, глядя на меня страшными грозowymi глазами и по-прежнему коверкая слова жутким акцентом. – Но я не причиню никакого вреда, поверь, служительница.

Однако к нам, привлеченные странным видом старухи, уже шли охранники и руководство зала.

– В чем дело? – строго поинтересовались они у старухи. – Кто вы и что вам нужно?

– С тех пор как оказалась **здесь**, я ношу имя Эби Хейли. Его дали мне в новозеландском приюте для умалишенных.

– Вы из Новой Зеландии?

Старуха усмехнулась:

– Считайте, что так. Но я уже давно покинула приют. Не бойтесь. Я не сумасшедшая. Я жила на ферме, доила своих коров и из новостей слышала о Рукописи. О том, что для всего человечества с момента нахождения она остается загадкой. И я приехала в Россию.

– Зачем?

– Я знаю, что это за Рукопись. И могу перевести ее. На

любой ваш язык: эсперанто, французский, английский, русский...

– Русский, пожалуйста! – хором воскликнуло руководство зала редкостей, почему-то сразу поверив серебряноволосой старухе.

– Хорошо.

И полупомешанная старуха со странным именем Эби Хейли действительно перевела весь текст манускрипта (под неусыпным контролем спецхраны). Процесс перевода происходил в интерактивном режиме, и, когда Эби Хейли закончила, мир потрясенно взвыл от свалившегося на него нового великого знания о существующем **где-то** королевстве с загадочным названием Тарсийское Ожерелье.

Но это знание не принесло миру особой радости. Ибо поделаться с этим знанием что-либо было невозможно. Сделав перевод, Эби Хейли вскричала:

– Я бы этого им не позволила! – и тут же скончалась от разрыва сердца, унеся с собой тайну своей жизни и своего появления в нашем мире.

Перевод же, как и полагается любой новинке, прочно занял первые позиции всех рейтингов информационных бестселлеров. На его основе было снято несколько 3D-фильмов, написано немало ораторий, рейв-рэп-рок-опер, поставлено спектаклей, мюзиклов и голографических шоу. Потом пришел черед литературных интерпретаций. Книг. Романов, поэм и даже од.

Однако все литературные интерпретации, а также адаптированные тексты перевода-первоисточника грешат неточностями, авторскими домыслами, попытками приукрасить либо, наоборот, выхолостить легкий тарсийский летописный язык. Тем не менее, предлагаемая вниманию читающей публики книга, к счастью, всем вышеперечисленным не перегружена. Но ведь я, по сути, и не автор, а лишь библиотекарь, оказавшийся в нужное время в нужном месте. Поэтому моя версия перевода – это версия человека, реально присутствующего при том историческом моменте, когда Эби Хейли открывала человечеству тайну существования Тарсийского Ожерелья. И вы должны согласиться со мной, что никакие домыслы и выдумки не сравнятся со свидетельством человека, задействованного в описываемом событии. В отличие от прочих авторов я видела собственными глазами таинственную старуху-переводчицу, ощущала странные потоки энергии, исходящей от этой невзрачной женщины (хотя вполне вероятно, что в молодости она была красавицей), и слушала ее голос, не искаженный транслирующими устройствами. Поэтому я могу претендовать на то, что моя версия перевода «Рукописи Ожерелья» наиболее отвечает характеру и настроению изложенных в Тарсийском манускрипте событий. И надеюсь, что после прочтения предлагаемого мною варианта текста мучающее всех недоразумение относительно того, что в Тарсийском Ожерелье почему-то прописалась некая россиянка Карина Свердлова, окажется не про-

сто вымыслом. Хотя научная общественность предпочитает довольствоваться мнением нашего знаменитого филолога, восьмидесятилетнего академика Ивана Кутежанского, полагающего, что Карина Свердлова – персонаж сугубо нарицательный и реально в королевстве Тарсийское Ожерелье не существующий.

Но мое предисловие затянулось, а нет ничего более неблагодарного, чем томить читателя ожиданием, вместо захватывающего чтения предлагая ему скучные разъяснения и толкования. Посему вашему вниманию предлагаются пусть разрозненные и неточные, но местами весьма интересные эпизоды из жизни загадочного Тарсийского Ожерелья и его... королев.

Часть первая

Проклясть королевство

Корона, в обычном, точнее *нерабочем*, своем состоянии торжественно покоившаяся на специальном золоченом и обитом узорчатым бархатом постаменте, закрывавшемся от пыли, влаги и нескромных взоров колпаком из небьющегося скеденского хрусталя, в данный момент была небрежной рукой извлечена из своего хранилища и безо всякого почтения брошена на один из многочисленных туалетных столиков королевской опочивальни. Словно ценности в этой изящно-величественной вещице, символизирующей право на неограниченную власть, заключалось ровно столько же, сколько и в россыпи золотых инкрустированных браслетов, в путанице драгоценных ожерелий, в крупных бриллиантах аграфов, поблескивавших из отверстых зевов шкатулок, ларцов и сундучков, подобно любопытным глазам девиц-камеристок.

И если бы бриллианты умели говорить, то им, как свидетелям совершающегося противозаконного и безнравственного действия, просто цены бы не было. Не говоря уж о том, что бриллианты сами по себе – бесценны.

Королевская опочивальня славилась обилием, как драгоценностей, так и туалетных столиков с зеркалами самой изящной и тонкой работы. И немудрено. Ибо отражать со-

бою неповторимую красоту, грацию и царственную осанку Ее Величества было великой честью. Равно великой честью было украшать несравненное по совершенству тело Ее Величества бесценными тканями и не менее бесценными камнями и металлами, и, разумеется, если бы бесчувственные камни, тряпки и золотые цепочки осознали это, они бы, несомненно, прониклись значимостью своей высокой миссии. И в торжественные дни, когда Ее Величество облачали в соответствующие какому-либо государственному событию наряды и украшения, камеристки трепетали от сознания важности выполняемой ими миссии, а также от того, что за неудачно уложенный локон в прическе королевы либо за нечаянный укол булавкой августейшего плечика неуклюжей девице грозило суровое наказание, самолично приводимое в исполнение Ее Величеством при помощи различных ядов, в изобилии хранящихся в потайных шкафчиках опочивальни вместе с флаконами духов, эссенций и притираний...

Но дело не в камеристках, прах их побери. Камеристки – народ тупой и обученный лишь одному – ухаживать за своей Госпожой и искренне восхищаться ею. Впрочем, большего от них и не требуется. Сия девица – тот же самый туалетный столик с зеркалом, только с нею можно иногда перекинуться парой незначущих фраз.

Тогда как зеркала молчаливы.

И их молчание говорит о многом.

Даже не говорит.

Свидетельствует.

И в данный момент два больших овальных зеркала, поставленных почти друг напротив друга по разным концам опочивальни, свидетельствовали, что в королевской комнате царит совершенно непристойный беспорядок.

На широком пышном ложе королевы целым ворохом громоздилось белье, над тончайшими кружевами, оборками и вензелями которого трудились, недосыпая ночей, лучшие тарсийские кружевницы и вышивальщицы. Поверх этого белоснежного сугроба был небрежно брошен мокрый, в ошметках грязи, воняющий конюшной мужской дорожный плащ, напоминавший пьяного насильника, вторгшегося в келью целомудренной послушницы.

Возле шкафов, кровати, кресел в беспорядке валялись королевские платья, и их парчовое, шелковое и батистовое великолепие безжалостно попиралось ногами в высоких, ладно обтягивающих стройные икры сапогах.

Владелица стройных и (как официально утверждали столичные песнопевцы и поэты) самых прекрасных ног в королевстве на мгновение задержалась перед одним из больших зеркал. И зеркало беспристрастно засвидетельствовало, что в данный момент в него смотрит Ее Величество Абигейл Первая, Королева Тарсийского Ожерелья и Почетная Владелица Сопредельных Островов.

Королева Абигейл одернула на себе мужской дорожный костюм с нашивками королевского почтальона. Одевание си-

дело идеально (попробовало бы оно сморщиться или смяться! Королевская карающая длань не замедлила бы превратить его в грудку ветоши для мытья окон!). Королева подтянула шнуровку, чтобы сильнее скрыть грудь. При этом она зашипела от злости, как кошка, упустившая мышь, — длинные волосы, которые она полчаса тщательно укладывала, чтобы можно было надеть мужскую шляпу, вопреки стараниям распустились пепельно-седой волной...

— Отрежу к гламуру! — прорычала правительница, отбрасывая со лба длинную благородную прядь и хватая с мраморной поверхности столика узкий дамский кинжальчик.

— Не стоит так нервничать, моя королева! — Слова исходили, казалось, от грязного, воняющего плаща. Но на самом деле обладатель сочного приглушенного баритона сидел, также облаченный в дорожный костюм, на низеньком замшевом пуфике у едва тлеющего камина. — Такой ты мне нравишься еще больше. Ты просто обворожительна.

Королева Абигейл гордо дернула плечом, но с кинжалом рассталась. И, пристально глядя на себя в зеркало, заново начала подбирать в прическу свои редкостные волосы.

У Ее Величества был необычным не только цвет волос (пепельно-серебряный, как говорилось в официальных, одобренных цензурой одах), но и красота узкого, словно выточенного из элристронского опала лица: бледного, с нежнейшим румянцем, с в меру пухлыми и чувственными губами, с бровями, словно выведенными тушью по лекалу...

Вот только глаза королевы Абигейл наполнял цвет грозового неба. И с таким же ужасающим блеском. Поэтому подданные предпочитали не встречаться с глазами своей прекрасной повелительницы. От грозового неба лучше держаться подальше.

Единственный человек, кто не разделял мнения подданных и без страха вглядывался в грозовые бездны очей королевы, сидел сейчас у камина, грелся и лениво наблюдал за тем, как его августейшая любовница крепит к волосам широкополую, закрывающую пол-лица шляпу. Примерно за полтора-два часа до этого упомянутый созерцатель тайно проник в опочивальню Ее Величества и встречен был не грозными воплями, а страстными поцелуями, обещавшими бездну наслаждений. Но Крапленный Эндрю не торопился в бездну. И хотя Абигейл, распаляясь от страсти, как всегда, потащила его в постель, он деликатно (все-таки *королева*, а не дешевая портовая девка с источенным дурной болезнью носом!), но настойчиво напомнил ей, что сегодняшняя их встреча имеет более серьезную цель, нежели банальное, хоть и, несомненно, приятное совокупление. И теперь Крапленный Эндрю ждал, когда же его августейшая подруга будет полностью экипирована к побегу. Заодно он осматривал опочивальню, прикидывая, что еще ценного помимо королевы можно отсюда прихватить...

Его, Крапленного Эндрю, дуэлянта, вечного любовника, прощелыгу и авантюриста, тоже беспристрастно отразили

зеркала. Эндрю недаром носил свое прозвище. Его кожа навсегда приобрела оттенок кожурь ядовитого корецкого ореха, с тех пор как он, Эндрю, еще будучи шестнадцатилетним желторотым юнгой на бригавелле «Олалайа», попал в плен к пиратам Дядюшки Стема. Пираты продали парнишку с кусачим нором на каторжные галеры, где Эндрю отлично прошел школу кровавой драки за сохранность своей задницы и ремесло убивать врагов, перерубая им горло тыльной стороной ладони. Галеры и сделали, его когда-то светлую кожу похожей на обложку гримуара (впрочем, грубая кожа и не менее грубая чувственность позднее лишь пошли Эндрю на пользу – изнеженные красавицы из благородных семейств отдавались «этому экзотическому чудовищу» сразу же после первого незначительного разговора о погоде)... С галер Эндрю, разумеется, сбежал однажды ночью, расшибив своей цепью череп неосмотрительного надсмотрщика и заодно устроив пожар на нижней палубе. Дело происходило в открытом море, и этому красавцу вряд ли бы улыбнулась судьба (разве что только зловонной ухмылочкой зубастой смерть-рыбы), если бы не счастливое стечение обстоятельств в виде шторма, выбросившего полумертвого и нахлебавшегося едкой морской воды Эндрю на пустынный берег некоего острова. Оклемавшись и постепенно обследовав рекомый остров, бывший каторжник выяснил, что на острове живет, удалившись от распутного и суетного света, странный отшельник. Отшельник поначалу принял Эндрю за видение,

но некоторое время спустя привык к молодому человеку с взглядом острым, как осколок стекла. И даже отнесся к нему по-дружески: накормил, напоил и вручил самодельную курительную трубку с куском войлока, пропитанного душистым маслом, способным погружать сознание человека в мир удивительных грез и уводить от реальности. Сам отшельник, судя по всему, подсел на душистое масло дурмана-опайши давно, поэтому реальность для него значила мало. Эндрю не столько из вежливости, сколько из любопытства выпросил у отшельника историю его былой жизни. Оказалось, что когда-то сей убеленный сединами старец тоже был молод, бежал из тюрьмы, имея карту острова, набитого сокровищами, нашел этот остров и позднее благодаря обретенному богатству явился среди первых лиц государства под видом некоего могущественного графа, желая этим первым лицам отомстить. Причину и последствия мести отшельник по старости уже не помнил. Однако, почувствовав себя чужим среди аристократов и прочей знати, он решил возвратиться на свой остров – в одиночестве и покое доживать век.

И доскрипел бы отшельник свой век вполне благополучно, не впусти он в свое скромное жилище Крапленого Эндрю.

Пользуясь правом гостя, Эндрю вдоль и поперек обследовал пещеру, в которой отшельник предавался грезам, и, к своей великой радости, обнаружил, что обкуренный дед буквально ходит по сокровищам! Пещера была битком набита

сундуками со старинными золотыми монетами, бесценным столовым серебром древней чеканки, самоцветными камнями, редкостным жемчугом, добытым из Моря Брошенных Дев, а главное, великолепным оружием – шпагами, палашами, рапирами, за которые любой бретер отдал бы душу, кабы таковая у него обнаружилась... Мало того. В укромном гроте этого острова стояла, покачиваясь на мелких волнах, отличная малая карра, немного обветшавшая, но еще крепкая, надежная и словно ожидавшая, когда ею воспользуются по назначению. Отшельник заявился на этой обшитой кожей лодке на остров, да и забыл про нее, погруженный в дурманное раздумья о несовершенстве мира и человеческой природы. А на паруса и обвисшие снасти стройной и старинной красавицы бесстыдно гадили кружащие над островом чайки, альбатросы и прочие бакланы.

Должно также сказать, что упомянутый Эндрю был круглым сиротой и вырос в приюте «Милосердная Плеть», что выстроила для сотен бродяжек и мелких бандитов неласковая и вечно разевающая на чужие куски злой голодный рот провинция Деметриус. А основное приютское правило гласило: «Твоя выгода – высший закон». Это правило Крапленый Эндрю, скитаясь по свету, выучил крепко. Поэтому в один прекрасный день он, чувствуя, что силы его восстановились и сидеть с отшельником в прокуренной пещере более нет смысла, задушил витающего в очередных райских грехах старика плетеным шнуром от курительной трубки. По-

сле чего перетащил на карру все сокровища, какие только мог унести (а мог он много; из оставленного Эндрю на острове барахла можно перечислить только курительную трубку отшельника, глиняную плевательницу отшельника и самого отшельника, невинно убиенного). Далее жизнь Крапленого Эндрю покатила по дороге, усыпанной оранжерейн timer цветами. Он сумел прекрасно распорядиться украденными сокровищами, купил себе титул, поместье (точнее, несколько) близ столицы; обучился аристократическим манерам и кое-какому умению слагать оды, канцонетты и мадригалы. Он со стремительностью ураганного ветра завоевал сердца и будуары окрестных высокородных дам. О нем пошла та самая дурная слава, от сплетен о которой млеют порядочные женщины, клянут свою никому не нужную порядочность и ждут не дождутся, когда их кто-нибудь как следует скомпрометирует (чтоб было потом о чем вспомнить в старости). Однако взоры Крапленого Эндрю уже не прельщались провинциальными красавицами. Он решил взять приступом столицу.

Первыми жертвами его ненасытной страсти пали две известные своей добродетельной жизнью графини (о чем не преминули с восторгом поведать всем своим менее удачливым подругам). Затем настал черед герцогинь. Когда же и известная строгостью своей жизни мистресс Элайзабет, Наперсница по вопросам морали и дама, более всех близкая Ее Величеству, принесла свое изнывающее от вожделения тело

в сладостную жертву обольстительным усам, очам и прочим членам пылкого брюнета, Эндрю понял, что звездный час его карьеры настал. Он заказал у хорошего художника портрет Ее Величества, повесил его в своем поместье (имеется в виду портрет; художника повесили позднее – по решению королевского суда, поскольку он изобразил королеву обнаженной, не имея на то официального разрешения двора и уж тем более не сверяясь с натурой) и поклялся, что не пройдет и кануна Тарсийских ночей, как королева Абигейл сбросит перед ним, крапленным подонком и безродным негодяем, свое церемониальное платье...

– Эндрю! Эй, сладкий! – Сердитый шепоток королевы вернул его к действительности. – Как ты считаешь, мне прихватить с собой корону?

Эндрю посмотрел на королеву. Нет, с нею он не прогадал. Чертовски красива – раз. Богата – два. И такая же хладнокровная искательница опасных приключений, как и он сам, – три. Женщина-стерва – лучшая спутница в жизни. Королева-стерва – тем более. Во всяком случае, пока она тебе не надоест. И то, что в ее королевскую голову взбрело сбежать с любовником, да не куда-нибудь, а на Окраину, даже играет ему на руку. Адюльтер во дворце уже давно стал предметом не только сплетен, но и политических баталий. На разгуливающего по дворцовым покоем Эндрю Скеденского (Абигейл пришлось присвоить новому любовнику еще и герцогский титул) смотрели косо не только брошенные им придворные

дамы, но и члены Королевского Совета. И фаворита королевы могли просто убрать со сцены. Из соображений королевской безопасности. Или по мотивам, касаемым высокой политики. Что, в принципе, не представляет большой разницы.

Побег Эндрю спланировал тщательно и таким образом, что даже самой королеве не были известны все его детали. В какое-либо из бывших собственных поместий везти королеву было глупо – поскольку поместья были уже проданы (разумеется, тайно: ни к чему Службе Королевской безопасности знать, что хитрый Эндрю давно сменил место своей дислокации). К тому же не таких приключений хочется Ее Величеству, в прекрасных очах которой горит подчас огонек плохо скрываемого безумства.

«Ты жаждешь приключений, королева? Я тебе их устрою! В избытке! Всенепременно! Ты мечтала о том, чтобы сбросить опостылевшее иго дворцового благополучия – ты его лишишься, обещаю! Но только не надейся, милочка, что я повезу тебя на Окраину – в мои планы не входит сгинуть в каком-нибудь диком племени или утонуть в одном из Великих Водопадов! Девственной красоты и полной вседозволенности возжелала, голубушка?! Д-дура! А вот не хочешь ли отправиться в волнующее путешествие на старой карре до того самого острова, где мой друг-отшельник уже наверняка превратился в источенный временем скелет?! Хочешь, я устрою тебе с ним приватное знакомство, моя королева? Вот это будет приключение что надо!!!»

– Бери корону, милая. – Эндрю улыбнулся, как улыбнулся бы клыкастый энгр уже располосованному до кишок кой-цу. – Она тебя очень украшает.

Абигейл заворуженно посмотрела на своего любовника, взяла было корону, но потом резко швырнула ее в камин:

– Нет! Пусть падет на нее проклятие огня и не даст ее носить никому! Не будет другой королевы!

Клыкастый энгр продолжал улыбаться:

– Как ты скажешь, любимая...

(Хотя более серьезного и неулыбчивого хищника, чем клыкастый энгр, не найти во всем Тарсийском Ожерелье.)

В примыкающих к опочивальне коридорах слышался шорох. Любовники насторожились.

– Пора, – сказал Эндрю. Теперь его темное лицо лишилось всякого намека на улыбку. – Возьми вон тот ларец. Остальное понесу я.

– Зачем нам нужны эти побрякушки? – вспылила Абигейл. – Разве без бриллиантов я не королева?

– Королева-королева, – успокоил ее любовник, взваливая на плечо два связанных за ручки кованых сундучка. – Этим я украшу деревья в парке, где ты будешь гулять, счастье мое...

«Гламуре лысого! Чтобы я оставил твоим камеристкам столько бесценного барахла! Да без этих карбункулов и смарагдов ты, моя прелестная, стоишь дешевле, чем последняя кабацкая раздавалка!...»

– Скорее, моя дорогая, – голосом, источающим ласку, лю-

бовь и желание, поторопил Эндрю королеву.

Та подошла к старинному гобелену, изображавшему легендарную сцену группового пленения первой тарсийской королевы герцогами враждебного Деметриуса, и, найдя неприметную золотую нить, потянула за нее.

Гобелен отъехал в сторону, открывая проход в тайный коридор, о котором, конечно, во дворце не знал только ленивый. Но ведь в данный момент никто во дворце не подозревал, что Ее Величество вот так, тайком, да еще с любовником, да еще с сокровищами (которые являются национальным достоянием!) уверенно бежит по неосвещенному коридору, и плотная, заранее постеленная дорожка глушит торопливые шаги...

Тайный ход разветвился. Правый вел к ратуше в центре столицы и использовался в основном для дипломатических миссий, а левый заканчивался аккурат у обрушившейся стены заброшенного кладбища Тарсийских ветеранов. Беглецы, разумеется, ринулись налево.

В кладбищенских зарослях стояли заботливо оседланные и укрытые от посторонних глаз два лучших скакуна из конюшен Ее Величества. Когда беглецы взлетели в седла, грянул неожиданный для столь ранней весны гром, и хлынул ливень.

– Вот неудача! – ругнулся Эндрю. – При такой погоде мы не сможем скакать так быстро, как хотели...

– Пусть! – гордо ответствовала королева-беглянка. – Разве

ты не понял, что так небеса дают знамение моим подданным, которые недостойны меня! Королева покидает презренный и ничтожный народ, оставляя ему лишь проклятия!

Судя по этой фразе, Ее Величество умела и любила выражаться высокопарно. Немудрено. Она получила прекрасное классическое образование. Однако в реальных отношениях с врагами либо подданными всем высокопарным речам Абигейл предпочитала кинжал, яд или плаху.

– Знамение так знамение... Одно хорошо – такой дождь все следы смывает, ни одна королевская ищейка не возьмет, – пробормотал Эндрю.

И королева Абигейл со своим любовником пустили коней в галоп под холодным, словно свинцовым ливнем – туда, где близ мыса Тарра ожидала их верная Крапленому Эндрю лодка.

А в опустевшей и разгромленной королевской опочивальне наступила окончательная темнота. Сначала одна за другой погасли с противным шипением свечи. Потом остыли и подернулись темным пеплом поленья камина. И только корона, которую Ее Величество швырнула в камин, странно светила. Словно была сделана не из золота, а из крошечных кусочков зеркал.

Молчаливых, но все понимающих зеркал.

Молодой и наглый весенний дождь яростно барабанил в незакрытые ставнями темные окна.

Часть вторая

Сохранить королевство

Ранняя весна в городах Тарсийского Ожерелья, и особенно в столице, лишена какой бы то ни было прелести и оптимизма. С Бронзового моря дует постоянный леденящий Ветер Перемен, вызывая у жителей прибрежных поселений жестокую непонятную тоску, граничащую с суицидом. Солнце почти не выглядывает из-под плотного войлочного одеяла туч, сыплющего то градом, то неуместным снегом, то ледяным дождем. Леса, сады и даже знаменитые королевские парки выглядят голыми и беззащитными, особенно когда очередной порыв урагана ломает хрупкие деревца и корежит ветви старых исполинов. Основными расцветками на это время года становятся грязно-серый и угольно-черный, и это тоже не добавляет обывателям радости: мало того что по весне традиционно увеличивают налоги, так еще и погода такая, что хоть удавись.

Такое безобразие творится до наступления знаменитых Тарсийских ночей, когда расцветают наконец легендарные и прекрасные цветы – элрисы, когда утихомиривается море, небо распахивает звездные объятия, а наутро вдруг оказывается, что вчера еще мертвая земля сплошь покрылась свежей, пахнущей почему-то девичьей кожей травой и на дере-

вьях лопнули клейкие крупные почки, а небо такое голубое с ослепительным кругом солнца посередине, что больно становится глазам, отвыкшим от ярких красок!

Но до Тарсийских ночей далеко. До травы, новых бутонов в королевском элриси и праздника цветоводов.

А если ему не удастся решить *эту проблему*, то, возможно, он больше травы и не увидит.

Никогда.

Главный Советник замычал от еле сдерживаемого бешенства и мутным взором окинул распотрошенную опочивальню Ее Величества. Возле дверей жалкой стайкой притихли полуодетые и непричесанные камеристки, не зная, то ли им уйти и оставить созерена в одиночестве, то ли дожидаться его дальнейших вопросов и указаний.

Герцог Рено, Главный Советник Ее Величества, стиснул пальцы до хруста костяшек и заставил себя обойти опочивальню так, как это сделали бы люди из Розыскной службы – ища приметы и улики, указывающие на то, что и как произошло минувшей грозовой ночью.

Приметы!

Улики!

Ха!

Герцога передернуло от отвращения. Вот она, главная улика – заскорузлый от грязи мужской плащ на королевском ложе! Кому эта улика принадлежала, не нужно и догадывать-

ся!

Проклятый распутный плебей!

– Кто из вас главная камеристка? – спросил он, не затрудняя себя еще одним взглядом в сторону сжавшихся перепуганных дам.

Одна из них вышла вперед, суетливо поправляя широкий платок с длинной паутинчатой бахромой:

– К вашим услугам, мой созерен.

– Вы хорошо знаете содержимое шкатулок и шкафов Ее Величества?

– По долгу службы, мой созерен... Да.

– Осмотрите при мне все и перечислите, что пропало.

Главная камеристка не заставила себя просить дважды. Тем более что от одного взгляда герцога Рено ей хотелось превратиться в крошечную зверушку – ушастого улика, известного своим опасливым норовом, – и юркнуть в самую дальнюю норку этого ужасного дворца.

Камеристка перечислила пропавшие драгоценности, а затем вскрикнула, будто ее ужалила бабочка-серебрянка:

– О, слава Тарска! Мой созерен, корона... Ее нет на месте!

Герцог Рено меж тем задумчиво смотрел в потухший камин.

– Корона, говорите? – как бы встрепенулся он. – Подойдите сюда. Взгляните. Не похожа?

Главная камеристка заглянула в камин и пискнула, едва не лишаясь чувств:

– Это она!

– Достаньте, – безапелляционно приказал Главный Советник.

Лицо камеристки стало белым, как знаменитые тарсийские кружева.

– Мой созерен... Я не имею права прикасаться к этой святы...

– Я вам разрешаю. Выполняйте, прах вас побери!!! Или прикажете мне копать в каминной саже?!

Разумеется, камеристка более не смела возражать. Она извлекла из камина злосчастную корону, имевшую в настоящий момент отнюдь не царственный вид. Женщина держала главную регалию королевства в вытянутых руках, как держат только что выкупанного и при этом неистово вопящего младенца благородных кровей.

– Передайте корону дворцовому ювелиру. Пусть приведет ее в порядок, – приказал герцог Рено. – И убирайтесь все вон! Нет, стойте! Так никто из вас не слыхал сегодняшней ночью шума в опочивальне королевы? Никто не знал о том, что... случится? Наверняка?

– Увы, наш созерен...

– Убирайтесь. И пришлите сюда поломоек, чтобы в опочивальне не осталось ни пылинки, ни соринки. Да, и сообщите дворцовому исполнителю наказаний и провинностей, что вам, как не выполнившим своего гражданского долга, полагается по двадцать плетей. Каждой.

– Да, герцог...

Главный Советник метнул изничтожающий взгляд на главную камеристку, прижимавшую к груди изуродованную корону:

– А вам – тридцать. За отсутствие наблюдательности.

Едва камеристки удалились, бесшумные и перепуганные, как тени (если только тени бывают перепуганными), герцог Рено запер за ними дверь опочивальни и быстро подскочил к гобелену, за которым скрывался тайный ход.

Герцог Рено не стал вспоминать, за какую нить надо тянуть, чтобы гобелен отъехал в сторону, поэтому он просто сорвал его с бронзовых крючков. И столкнулся нос к носу с начальником Розыскной службы капитаном Лавдисом.

– А, капитан...

– Мой созерен...

– Вы уже здесь. Меня радует такая... оперативность.

Слово «оперативность», как и другие новомодные словечки, введенные в обиход *тем проклятым магистром*, герцог не терпел. Но сейчас оно пришлось кстати. Капитан Лавдис наклонил голову в знак благодарности за похвалу. Он знал, что похвалы от герцога Рено можно дожидаться только в самом крайнем случае.

Значит, случай действительно крайний.

– Крапленный Эндрю и Ее Ве...

– Чшш!

– ...И его спутница прошли тайным ходом не позднее

двух часов пополудни. Вышли у кладбищенской стены, где их ожидали лошади, и быстро поехали...

– Направление?

– Прорабатывается несколько версий. Дело в том, что следы смыло дождем. Но наши следознатцы...

Герцог Рено опять поморщился. Его коробило смешение старого и нового лексикона. «Версии» и «следознатцы»... Бред какой-то!

В прочем, сейчас не в словах дело.

– Они не могли направиться в одно из его поместий? – спросил Главный Советник капитана Лавдиса.

– В каждом замке Крапленого Эндрю уже работает оперативная группа. С того момента, как от вас поступил сигнал тревоги.

– И что?

Капитан неувовимо пожал плечами:

– Как выяснилось, сей злокозненный негодяй заранее подготовил себе путь к отступлению. Он давно передал купчую на свои поместья другим лицам.

– Кто эти лица? Они могут быть его сообщниками?

– Мессер Эславито, мистресс Айсфилл-вторая и вдова маршала Коде с пятью детьми, которые на данный момент являются владельцами поместий, вряд ли могут быть сообщниками столь низкорощенного негодяя. Репутация этих людей всегда была безупречной и несла Тарску лишь добрую славу...

– Мы кончим тем, что нас зарежут во сне, капитан, если будем полагаться лишь на добрую репутацию честных людей. Эти же добродетельные люди и зарежут.

– Не могу спорить, созерен.

– Допросите их всех, капитан. Даже детей вдовы Коде. На всякий случай.

– Да, созерен.

– Но это не главное. Прежде всего узнайте, куда направились беглецы, прах на вашу голову! – Неожиданно обычно сдержанный и хладнокровный герцог возвысил голос. – Вы не меньше меня понимаете, что это дело...

– Государственной важности. Да, мой созерен. Будет сделано, мой созерен. Со всею возможною тщательностью и быстротой, мой созерен.

Герцог прищурил глаза:

– Маленькая поправка, капитан. Со всею возможною и невозможною быстротой.

– Вас понял; мой созерен.

– Выполняйте.

Герцог вышел из опочивальни в примыкающий к ней небольшой зал с высокими окнами. За окнами по-прежнему висело серое небо и сыпало на дворец и весь прилежащий ко дворцу Тарск мокрый снег. И это называется весна... Вот что значит – жить на проклятом архипелаге.

«Через час – заседание Совета, – с тоской подумал герцог Рено. – И я должен буду официально сообщить всем его чле-

нам, что королева бежала. Да еще с любовником. И чем это может грозить Тарсийскому Ожерелью, ведают одни лишь небеса».

В герцоге вскипала злоба. О Абигейл! Достойная продолжательница непотребных деяний своей матери! И бабки! И прапрапрабабки!!! Тарсийское Ожерелье сошло с ума, когда три века назад потребовало заменить власть королей властью королев! Прах на мою голову, какие тогда были бунты! Что низко-рожденные вытворяли с мужской половиной аристократии – и вспомнить страшно. А походы взбесившихся баб и осада дворца, получившая в истории название «Стояние на корсетах»! Наслушались речей какого-то бродячего святоши-мудреца о том, что, мол, при надлежащем образовании и воспитании и кухарка сумеет управлять государством!..

Добро бы кухарка, у нее есть хоть какие-то понятия о чести!

А эти высокородные блудницы с их нравственными принципами паучих... И неуголимой похотью, достойной лишь кобыл...

Герцог Рено и не заметил, что в своем раздраженном хождении по залу остановился как раз напротив большого парадного портрета Ее Величества, написанного четыре с половиной года назад, как раз после коронации.

И тут он беззвучно застонал, словно его ударили и сердце. Абигейл все-таки была прекрасна. Ее отвратительный и жестокий характер, коварный и изворотливый ум, равноду-

шие к делам государства и безудержное сластолюбие – все искупалось дивной красотой, которую к тому же на портрете художник постарался возвысить и одухотворить. Двадцатидвухлетняя королева смотрела на своего Главного Советника взором, от которого хотелось сойти с ума.

– Ты же совсем не такая, – глухо прошептал герцог Рено портрету. – На самом деле ты просто лживая, злобная и наглая сука. И я ненавижу тебя.

Герцог решительно повернулся на каблуках своих высоких сапог и зашагал прочь от портрета – готовиться к государственному совещанию. И он запретил себе даже размышлять на тему того, что, как правило, сильная ненависть является обратной стороной любви.

Сильной любви.

И при этом отвергнутой.

Зал совещаний первых лиц государства, или, как его еще называли, Обвальный кабинет (несколько раз на протяжении истории тарсийского государства в нем от пылких споров обваливался потолок), наполовину представлял собой музей боевой славы Тарсийского Ожерелья. Стены украшали старинные штандарты и картины на батальные темы. На потолке лучшими столичными художниками был изображен Тарсийский герб, некогда одним своим видом обращавший противников в паническое бегство.

В центре зала помещен был каменный овальный стол с мозаикой, являвшейся точной копией карты королевства, со

всеми его провинциями, пределами и даже малоизученной Окраиной. За столом уже сидели все представители Королевского Совета. Пустовало только два кресла, стоявших как раз друг напротив друга. Кресло Главного Советника.

И кресло Ее Величества.

Впрочем, Главный Советник уже вошел в кабинет, возвестив о своем появлении едва слышным шорохом церемониального плаща и позвякиванием шпор. Государственные мужи встали, приветствуя герцога Рено, и стояли до тех пор, пока он не занял свое кресло.

– Садитесь, господа, – привычно сухо произнес герцог, заменяя этой фразой приветствие.

И посмотрел на пустующее кресло королевы.

Попалась бы ты мне сейчас...

Что бы я с тобой сделал!

А что бы я с тобой сделал, мучительница моя?!

– Господа, – голосом, в котором слышались сталь и лед, заговорил герцог, – наше сегодняшнее заседание носит чрезвычайный характер. И полагаю, при том количестве осведомителей и наушников, которых каждый из вас держит при себе, для вас уже не является новостью то, что я собираюсь сказать. Итак, господа советники, королевы Абигейл больше нет.

Среди советников возник и тут же стих легкий, лишенный эмоций шепот. Значит, они уже это знают. Он оказался прав. Служба защиты государственных секретов во дворце ни к

черту.

– Господин Главный Советник, – подал голос советник по делам внутренней политики. – Я позволю себе небольшое замечание. Выражение «*королевы Абигейл больше нет*» звучит чересчур... мм... сильно и не отражает действительного положения дел.

– А вам *известно действительное положение?* – Герцог смерил говорившего таким взглядом, словно снимал с него мерку для торжественного гроба.

– Известно, герцог! – это заговорил советник по финансам. У него тон был куда уверенней, поскольку человек, располагающий знаниями буквально обо всех финансовых операциях страны, ее руководителей и подданных, обладает властью, позволяющей не опасаться косых взглядов, тонких намеков и ударов из-за угла, – Королева сбежала. Сегодня ночью. С любовником, известным как Крапленый Эндрю. Мне также известно, что их ищут. И пока не нашли.

– И вряд ли найдут. – Советник по вопросам внешней политики стиснул пальцы. – Герцог Рено прав. Мы уже никогда не увидим Ее Величество Абигейл. Я уверен, что этот подонок постарался заманить ее в такое место, откуда она никогда не вернется. Во всяком случае, живой.

– И что же, нам предстоит объявить народу о безвременной кончине королевы?! – возопил советник по внутренним делам. – Вы представляете себе, чем это грозит?!

– Представляю... – начал было, знаток внешней полити-

ческой ситуации, но его собеседника понесло:

– Находящаяся под нашим протекторатом провинция Деметриус вновь стоит на грани вооруженного мятежа. Уже совершены серии поджогов и покушений против введенных нами туда войск! В фермерских хозяйствах Элристрона начался глад, мор и весенний запой! Герцогство Хохманлэнд прислало вчера гонца с известием о начале сезонного падежа скота! В порту Скедена введен трехмесячный карантин – торговое судно из Сан-Пеллегрино вместе с тканями и пряностями привезло нам чуть ли не оспу! И при этом с начала весны мы подняли налоги! Да если население, и без того измученное всеми перечисленными мною несчастьями (а я ведь не все перечислил!), узнает еще и о том, что королева Абигейл вместо забот о благе народа позаботилась о благе своей... извините, промежности...

– *Советник!*

Так вот! Народу нельзя сообщать об исчезновении королевы! Во всяком случае, сейчас!

– Совершенно с вами согласен! – Слово взял советник по делам внешней политики. – Не мне вам рассказывать, сиятельные господа, что сейчас творится у наших границ. Наша разведка доложила, что в вотчине барона Норберта, с некоторых пор отделившегося от Ожерелья и провозгласившего свой феод независимым государством, а себя – всенародно избранным правителем, снова объявились адепты воинствующей секты мурмунов-селенитов. Война тарсийцев с мурму-

нами-селенитами закончилась три года назад, и вы, господа, помните, чем она для нас закончилась. Позорная договоренность о веротерпимости с теми, кто практикует многоженство, человеческие жертвоприношения и употребление дурманных трав в своих ритуалах! И если, не допусти Небеса, барон Норберт или те же мурмуны-селениты узнают, что королевство осталось без королевы...

– Война.

– Да, война. В которую обязательно вмешается Континент Мира и Свободы, что давненько зарится на наши нефтяные и алмазные разработки. И на главную ценность Деметриуса – королевский...

– Чшшш... Все и так знают, что является главной ценностью этого клятого островка.

– Именно. А у нас сейчас нет сил на хорошую, мощную войну. Мы не отразим даже левинтийскую орду Невидимых Убийц, вздумай они опять подступить к нашим стенам...

– Какие стены?

– Я выражаюсь образно, советник.

– Но достаточно ясно для того, чтобы мы все поняли: об исчезновении королевы Абигейл ни внешние, ни внутренние враги узнать не должны!

– Совершенно верно, – тихо сказал Главный Советник. Он был как-то странно задумчив.

– Но господа! – вскричал советник по вопросам культуры. – А слухи среди дворцовой челяди?! Они обязательно

просочатся в столицу! И потекут дальше!

– Значит, убьем слуг, – пошутил советник по военным делам.

– Слухи? – Герцог Рено впервые за все совещание позволил себе улыбнуться. – Слухи, господа, бывают разными. И в наших с вами силах сделать так, чтобы эти слухи... гм... представляли сложившуюся обстановку совершенно по-иному. Поэтому дворцовая челядь будет болтать не о том, что королева сбежала с любовником, а о том, что, радея за тарсийское благо, Абигейл на некоторое время отправилась в паломничество на Запретный Остров, дабы попросить тамошних благочестивых духов о молитвах за ее королевство и народ.

– Мило. Глупо, но народ это любит и верит подобным благоглупостям. Кроме того, у людей еще крепка древняя вера в духов Запретного Острова. Однако ведь не может это «паломничество» продолжаться бесконечно. Королева *должна* появиться. Ее *должны будут увидеть*.

– Ее увидят. – Герцога Рено, казалось, все больше и больше занимала некая идея, от чего глаза его налились мерцающим изумрудным блеском.

– Вы предлагаете... куклу, советник? – осторожно спросил его финансист.

Герцог Рено улыбнулся:

– Зачем куклу? Живую женщину.

– А! Загримированную под королеву! Но это долго не про-

держится в тайне...

– Вы не поняли, господа. Это будет настоящая королева. Ее Величество Абигейл.

– Но... как?!

Герцог Рено поднялся:

– Считаю наше совещание закрытым, господа. – И уже выходя из дверей Обвального кабинета, он тихо проговорил, обернувшись: – Предоставьте это мне. *Она будет настоящей.*

Когда Главный Советник вышел из королевского дворца и сел в свою карету, из-за туч, впервые с начала весны, выглянуло солнце, пощекотав герцога Рено по ресницам. Но он не обратил на это внимания. Он спешил. Ему предстоял неблизкий путь из блистательной столицы в презренный людьми и небесами край Забытых Королей.

Где располагалась главная каторга для особо опасных государственных преступников.

* * *

В самом начале своего правления королева Абигейл не была столь озабочена своими бесконечными будуарными баталиями с фаворитами. Скорее, наоборот. Ее неиспорченный ум тогда занимали вопросы истинного знания, просвещения и веры. Поэтому она не чуралась всяческих просве-

ценных новшеств, модных философических идей и даже интересовалась научными открытиями, которыми славился тогда Континент Мира и Свободы.

В королевском дворце Тарска имелась прекрасная библиотека, собранная несколькими поколениями монархов. Когда на смену королям пришли королевы, библиотеку не тронули, а, наоборот, создали штат служанок, коим вменялось со всею тщательностью еженедельно проводить в хранилище знаний уборку. В королевской библиотеке, помимо старинных сводов, как впервые написанных, так и палимпсестов на пергаментях тех работ, что признаны еретическими, исторических атласов и описаний далеких земель, были и трактаты прославленных ученых мужей древности, и собрания апологий, и диалоги о сути вещей... И поначалу юная инфанта изучала апологии, дремала над теодицеями и по настоянию учителя зубрила категорические императивы. Однако позднее ее стали занимать рыцарские романы, любовные поэмы, заграничные фолианты с цветными гравюрами, описывающими прелести плотской любви, и прочая беллетристика. Но и интереса к науке взрослеющая Абигейл отнюдь не утратила. Вероятно, поэтому она приняла в своем дворце и осыпала милостями бежавшего с Континента Мира и Свободы магистра Уильяма Магнуса Гогейтиса.

Уильям Магнус Гогейтис, несмотря на весьма молодой возраст (если он и был старше королевы, то всего на каких-то два года), уже заслужил на Континенте не только степень

магистра, но и репутацию вольнодумца. Именно из-за этого ему и пришлось оставить родные стены.

Дело в том, что официальная наука Континента и официальная же магия традиционно шли двумя взаимоисключающими путями, никоим образом не соприкасаясь друг с другом. Уильям же Гогейтис, видимо по молодости лет, нахватавшись вершушек многообразных философских учений, заявил, что есть некая сфера, в которой и наука, и традиционная прикладная магия вполне способны коррелировать. Словечко «коррелировать» выдумал, опять-таки, Гогейтис. Он предоставил на рассмотрение трех ведущих академий Континента свое учение, справедливо полагая, что оно будет воспринято с восторгом. Однако восторгов не последовало. Молодого магистра объявили профаном, неучем, кощунствующим еретиком, как представители точного знания, так и ведущие маги. Когда же Уильям вздумал настаивать на правильности своей гипотезы, его предали публичному позору и осмеянию, даже хотели было посадить в приют для умалишенных, кабы не вмешательство судьбы. Судьба помогла Уильяму Гогейтису найти политическое убежище в столице Тарсийского Ожерелья и заинтересованную слушательницу в лице Ее Величества королевы Абигейл. Позднее вторым слушателем бредней «континентального» ученого-мага стал и герцог Рено. Ему это полагалось по должности – все-таки Главный Советник...

Уильям Гогейтис, впрочем, был человеком универсально-

го ума и таланта, отчего и получил прозвище «Магнус». Он прекрасно разбирался в математике, физике, химии и прочих естественных дисциплинах. Магистр писал великолепные стихи, и его несравненные мадригалы стали образцом для подражания многим начинающим поэтам. Однако его пытливый ум не довольствовался лишь теориями, а требовал прежде всего, практического приложения имеющихся знаний. Таким образом, при попустительстве тарсийского двора и при помощи весьма нехитрых и недорогих приспособлений Гогейтис изобрел и привел в действие так называемую рисовальную машину, состоявшую из доски, на которую медленно подавался лист бумаги, нескольких полых игл, заполнявшихся при нажатии на какие-то кнопки разной краской, и рисовальщика, который сидел подключенным к машине и рисовал портрет обычным способом. А машина делала двойников этого портрета при помощи сотен неразличимых цветовых точек, при нормальном рассмотрении выглядевших как единое целое. Смысл создания рисовальной машины Гогейтис объяснял так: художник ведь рисует один портрет, а машина за это время может создать несколько. Несколько копий того самого портрета. Слово «копия» тоже изобрел Уильям.

Эта машина понравилась королеве. Теперь во всех городских ратушах и магистратах висели копии ее портретов, выполненные при помощи иголок. Хотя, надо сказать прямо, живописцы рисовали куда лучше. Но ведь и брали дороже. А

машине, как утверждал Гогейтис, нужны были только «расходные»: краски да бумага. Ну, еще иглы...

Следующее изобретение Уильяма Магнуса пришлось по душе счетоводам, содержателям складов и прочему люду, постоянно имеющему дело с цифрами и вынужденному производить вычислительные операции. Позаимствовав у королевских камеристок рулон широкой портняжной ленты с делениями и пригоршню бусинок, Уильям Гогейтис помаялся неделю, перекладывая бусинки по ленте и бормоча про себя нечто колдовское: «считывающее устройство», «перфорация», «база данных». Наконец, он представил на суд королевы и ее Главного Советника герцога Рено (с неослабевающим интересом следившего за научно-практической деятельностью Уильяма) устройство, носившее громоздкое название «То, Что Вычисляет» или, короче, «Вычислитель». При помощи Вычислителя во дворце произвели инвентаризацию всей мебели, точный подсчет комплектов постельных принадлежностей и даже занесение в специальный каталог королевских столовых сервизов.

Абигейл наградила тогда Уильяма орденом Шейной Косынки, но ученый принял его рассеянно (как и полагается всем истинным ученым, не стремящимся обрасти славой и богатством) и заявил, что Вычислитель еще далек от совершенства, но он, Магнус Гогейтис, будет работать над тем, чтобы сей инструмент обрел большую память, не сбивался со счета, не путал уже учтенные данные, а главное, был удо-

бен и прост в обращении.

Словом, пока Уильям Магнус занимался всякими машинками и устройствами, королева вполне к нему мирволила. Да и дворцовые интриганы не видели для себя угрозы в человеке, вечно возящемся с цифрами, железками, кусочками кремня, да при этом еще и настолько плохо видящим, что носит на глазах выпуклые круглые стекляшки, соединенные дужками и делающие своего владельца похожим на снулого сома.

Но недаром же говорят, что большие знания лишь умножают печаль и приносят неприятности. И в первую очередь эти неприятности касаются того, кто знаниями располагает.

Изобретения полезных машин через некоторое время наскучили магистру Уильям, и он принялся штудировать трактаты Тайного Знания, книги по магии и прикладным степеням волшбы, каковые (книги) имелись в избытке в дворцовой библиотеке. Неожиданно к Тайному Знанию вспыхнула интересом и королева Абигейл. Впрочем, как позднее выяснил герцог Рено, правительницу в этом самом Знании интересовали только способы приготовления приворотных зелий, афродизиаков и эссенций для поддержания упругости бюста (хотя бюсту Ее Величества до старческой дряблости было ой-ой как далеко, что с полным знанием дела мог подтвердить Главный Советник, на тот момент, ставший еще и главным фаворитом Абигейл)...

Уильям же Гогейтис и вовсе, видимо, тронулся умом от

великих своих познаний. Иначе бы поостерегся он не только излагать королеве свою крамольную Систему Окон, но и даже придумывать оную не стал бы!

Герцог Рено помнил тот роковой вечер, как сейчас. Ее Величество, он сам и Уильям Гогейтис сидели в небольшой, примыкающей к библиотеке комнатке, которую ученый переделал под лабораторию.

– Беспорядок тут у тебя, магистр, – с ноткой игривого недовольства заявила королева, оглядывая стол, чуть ли не подламывающийся под тяжестью реторт, колб, пробирок, приборов для возгонки и охлаждения. – Боевой конь копыто сломит... А на стенах это ты что по навешал? Уж не тайные ли расчеты и чертежи для наших врагов?

И Абигейл рассмеялась, конечно понимая, что шпион из Уильяма никакой. Просто уже начинала в ее характере проявляться знаменитая, присущая всему роду Владетельниц Ожерелья августейшая стервозность.

– Не извольте беспокоиться, ваше величество! – воскликнул Уильям. – Эти чертежи и уравнения – лишь малая моя попытка объяснить Систему Окон...

– Вот как?! – очаровательно усмехнулась юная королева и при этом посмотрела на своего Главного Советника. – Разве в королевском дворце мало окон, чтобы ими еще занималась и наука?

Абигейл задавала герцогу один вопрос, а в глазах он читал другой: «Как я тебе нравлюсь в этом новом облио василько-

вого бархата? Хорошо ли смотрится жемчуг на моей груди?» Поэтому Главный Советник смешался и вместо приличного ответа лишь посмотрел на властительницу своего сердца умоляющим взглядом. Абигейл чуть скривилась. Герцог не поддержал ее игру.

– Ваше величество! – услышала она голос Гогейтиса. – Та Система Окон, которой я сейчас занимаюсь, не имеет ни малейшего отношения к обычным окнам! Разве только названия схожи...

Лучше бы этого магистр не говорил! Ибо многие знания, как сказано было выше, могут привести к последствиям непредсказуемым.

– Вот как? – Королева отвернулась от Советника и направилась рассматривать большой непонятный чертеж. – Так объясните мне, мой высокоученый магистр, что же сие есть за Система Окон и на кой прах она сдалась Тарсийскому Ожерелью?

Все ученые, даже самые великие, обладают политической близорукостью. Они полагают, что правители с восторгом подхватят их идеи, да еще и выделяют деньги из казны, чтоб эти идеи привести в действие. И Уильям Магнус Гогейтис отнюдь не стал исключением в плеяде наивных ученых.

– Я долгое время изучал различные труды ученых прошлого, а также записи древних магов, – начал Уильям. – И однажды меня осенила мысль о том, что некоторые идеи мужей древности – и магов и ученых – сопоставимы! Весь-

ма привлекла меня теория знаменитого чародея Альбертуса Фоненштейна об относительности всего, что мы считаем реально сущим. А тезисы столпа точной астрономии Пауля Хлобола помогли мне понять и в какой-то мере дополнить учение о множественности миров. Впрочем, идею множественности миров развивали многие ученые и маги. Но мысль Пауля Хлобола подтолкнула меня к такой гипотезе: а что, если множественные миры суть зеркала, отражающие Главный Мир?

– Тогда эти миры должны быть одинаковыми.

– О нет! Лишь нашему несовершенному глазу кажется, что зеркала все отражают без искажения! На самом деле все не так. И представьте, королева, что самое дальнее зеркало в вашей опочивальне, получив в себя десятки ваших отражений, отражает...

– Не меня?

– Вас! Но уже изменившуюся... Так и с мирами! И не исключена возможность, что где-то существует мир (и не один!), ставший отражением нашего мира. Или наоборот...

Королева напряженно задумалась. Брови ее свело над переносицей, глаза сверкнули нехорошим грозовым огнем, превращая милую, очаровательную кокетку в женщину, которая под платьем вместо тела носит кинжал.

– И что же, маг, – холодно осведомилась королева, – во всех мирах есть я?

– Конечно! И вы, и герцог, и даже я! Только там мы, в сво-

их основных чертах оставшиеся прежними, возможно, претерпели какие-нибудь изменения. Например, герцог стал рыбаком...

У герцога Рено свело скулы. Он ненавидел рыбу. Во всех ее проявлениях.

– А я из ученого превратился, например, в бродячего артиста или клоуна, потешающего народ! – смеялся маг. – А вы, ваше величество, может быть, стали – ха-ха! – базарной торговкой!

Гром грянул.

– Торговкой, значит? – голосом, похожим на гром снежной лавины, падающей на горную деревушку, спросила Абигейл.

– Ваше величество! – Уильям, кажется, понял, что в своих мудрствованиях зашел слишком далеко. – Это лишь домыслы! Гипотезы! Но я объясню! Эти зеркала – они еще и окна, через которые мы можем заглянуть в другой мир и увидеть там себя или...

Лавина докатилась до несчастной деревушки и погребла ее под собой.

– Вы предлагаете мне любоваться тем, как в другом мире я торгую на базаре? – проскрежетала королева, сразу став старше на несколько лет и злее в несколько раз. – Так следует понимать ваше учение, Гогейтис?

Герцог закусил губу. У заплечных дел мастера на ближайшие два часа будет очень напряженный график работы.

– А что плохого в торговле, королева? – с какой-то странной, совсем нехарактерной для плебея и зависимого человека усмешкой спросил Гогейтис. – Нет ничего позорного в труде. В... достойном труде.

«Четвертует? Или сначала повесит, а потом четвертует? И сожжет на костре. А голову вывесит на городских воротах вместе с его мужским хозяйством, как поступала ее бабка, Ариаль Белоснежная, со всеми своими врагами...»

Абигейл зашлась от ярости:

– Я королева! И я могу быть *только* королевой! И во всех твоих придуманных мирах, за каждым твоим несуществующим окном я останусь КОРОЛЕВОЙ! Ты понял, Гогейтис?!

«Он не понял, – с какой-то непонятной печалью подумал герцог Рено. – Он еще что-то пытается доказать ей. Твердит про процент искажения, систему прохождения сигнала. Бедняга. Лучше бы он так заботился о своих причиндалах, а не об идеях. Она его все-таки четвертует».

И Главный Советник вдруг понял, что ему отчего-то жаль непутевого ученого, с таким пылом разглагольствующего про невероятную Систему Окон.

«А ведь как бы смотрелась Абигейл в роли торговки, – честно размышлял он. – А в маркитантках ей вообще не нашлось бы равных».

– ГЛАВНЫЙ СОВЕТНИК!

Герцог Рено вздрогнул и прогнал прочь крамольные мысли. Посмотрел на королеву. Так и есть. Уильям Гогейтис до-

бился своего. Точнее, своей. Своей безвременной и жестокой кончины. Но герцог услышал не то, что ожидал:

– Повелеваю своей королевской властью, – Абигейл роняла слова, как будто стучала молотом по листу жести, – злостного еретика и смутьяна, оскорбителя королевы, нарушителя законов Божеских и человеческих, изобретателя безумных теорий и крамольных идей Уильяма Магнуса Гогейтиса лишить всех дарованных Нами привилегий, наград и милостей и под строгим конвоем препроводить на место пожизненного заключения в подземную тюрьму, именуемую Низина Плача! Приказ исполнить немедленно.

Герцог пронзительно посмотрел на королеву. Она встретила его взгляд и отбила, как меч – мечом.

– Выполняйте, Советник. Ответственность заточное исполнение сего приказа я возлагаю на вас – И крикнула: – Стража!

Вбежавшим дворцовым громилам-стражникам она указала пальчиком на тщедушного Гогейтиса:

– Взять его! В камеру пыток!

И вышла, даже не удостоив никого своим королевским взглядом.

– Но почему?! – горестно возопил Уильям, которого стражники уже поволокли к выходу.

«Лучше бы она его сразу четвертовала, – подумал герцог Рено. – Какое-никакое, а милосердие. Это кто-то солгал, что женщины милосердны. Или король это просто не касается».

С того памятного вечера он перестал посещать опочивальню королевы.

Потому что выполнил в точности ее приказ.

Но заставить себя снова воспылать страстью к женщине, оказавшейся столь жестокой и высокомерной, он не смог.

Тем более что у Абигейл, забросившей науку, нашлось немало фаворитов. И у дверей опочивальни разве что очереди из любовников не стояли.

Книги, чертежи и прочие вещи Гогейтиса сожгли перед ратушей, когда зачитывался королевский указ. Ученый был предан забвению, а его труды признали политически опасными. Именем Уильям простолюдины долго опасались называть своих новорожденных.

С тех пор прошло три года. За это время герцог Рено стал совсем другим человеком. Сделалась иной (словно вышла из какого-то своего отражения) и королева Абигейл. Только о судьбе Гогейтиса, заживо погребенного в казематах Низины Плача, ничего не было известно. Во всяком случае, официально.

На самом деле герцог Рено, не понимая до конца сам, зачем он это делает, утаил в своем родовом замке некоторые из трудов несчастного Уильяма, особенно те, где рассматривалась преданная ныне анафеме теория загадочных Окон. Герцог иногда, утомившись от государственных дел, пытался вчитаться в каракули ученого, понять ход его мыслей, словно это могло хоть чем-то облегчить участь *проклятого ма-*

гистра...

И сейчас герцог Рено ехал именно к нему. В юдоль скорби, смерти и забвения.

К Уильяму Магнусу Гогейтису.

С делом государственной важности.

И, рассеянно глядя в окно кареты на схожие с лоскутьями траурных покрывал, влажные, еще не освободившиеся от снега луга, герцог Рено молил праведное небо, чтобы ученый еще был жив.

И находился в здравом уме и твердой памяти.

* * *

Герцогские кони встали так внезапно, что погрузившийся было в какую-то дорожную полудрему Главный Советник вскинулся, резко выдохнул, приходя в себя, и машинально тронул эфес своей боевой шпаги. Глянул в помутненное окно кареты – почему остановка? Уж не разбойники ли щипачи из беглых каторжников решили сдуру, что смогут разжиться у почтенного и богатого господина парой кошельков с золотом?.. Ну, в таком случае разбойников можно только пожалеть.

Герцог наполовину вытянул шпагу из ножен, но тут в дверцу кареты деликатно постучали условным стуком.

– В чем дело, Кевин? – голосом, жестким от внезапного и постыдного для истинного воина страха, спросил герцог

Рено.

Действительно, это был один из личных охранников герцога, Кевин, недавно принявший присягу. Второй охранник, рыцарь постарше, именем Костнер, о чем-то невнятно переругивался с кучером.

Дело заключалось вовсе не в разбойниках. Как объяснил созерену Кевин, остановка произошла по весьма прозаической, но не зависящей ни от кого из них причине.

Дорогу на каторгу начали строить еще при королеве Ариаль, которая в этом направлении народ отправляла целыми семьями и деревнями – без права возврата и переписки с оставшимися на воле близкими. Со времен безумной Ариаль каторга разрослась, дорога расширилась и разветвилась, но, поскольку каторжник – не работник, постепенно пришла в упадок. По отдельным участкам дороги еще можно было худо-бедно проехать с обозом или прогнать пешедралом новую партию заключенных, но колея, ведущая к Низине Плача, представляла собой (да еще по такой сырой да дождливой весне!) непролазное, отвратительное даже на вид месиво из суглинка и знаменитого тарсийского пловуна-галечника, что засасывает и коня и всадника, как омут.

Герцог вышел из кареты и вместе со своей свитой осмотрел местность. Осмотр не впечатлил. Во всяком случае, понятно, почему кони не пожелали идти дальше. Аристократическим ли коням увязать в грязи по самые подпруги?!

В туманной дали вырисовывались очертания Низины,

бывшей на самом деле никакой не низиной, а целым небольшим городком, состоявшим из лабиринта бесконечных каменных казематов, в которых и томились особо опасные государственные преступники.

– Да, отсюда по такой дороге не сбежишь, – как бы про себя пробормотал герцог. – Только и туда не доберешься.

– А добираться еще добрых пять ариев. – На глаз отметил расстояние, отделявшее их от Низины, суровый воин Костнер. – Будь здесь хоть какие деревья либо кустарник, мой боевой топор за минуту нарубил бы щепы для настила, но...

– Щепы – это полумера, – непонятно высказался герцог и вдруг пронзительно, с какой-то затейливой вибрирующей нотой, так что земля под ногами дрогнула, засвистел.

Свита едва сдержалась, чтоб не зажать себе уши. Кони шахрахнулись, чуть не опрокинув карету, а кучер принялся распекать во все корки злого черного гламура.

Герцог уже с минуту как прекратил свой странный свист, а земля все еще дрожала. И дрожь эта усиливалась. Наконец в близлежащей заброшенной кузне что-то грохнуло, зарычало, затопало, и взору государственных путешественников предстал последний Тарсийский Дракон.

Дракон выглядел непрезентабельно. А как еще можно выглядеть, ежели ты являешься пожизненным арестантом и питаешься исключительно горьким хлебом надежды и солью собственных слез?! Когда по указанию первой королевы, Филодоры Благочестивой, Тарсийское Ожерелье истре-

было всех своих драконов как животных не только опасных, но и, по утверждениям всех животноводческих наук, несуществующих. Этот дракон был еще весьма молод и мог прятаться то в Монарших горах, то среди карстовых пещер Золотой Госпожи, избегая тем самым охотничьих облав. Дракон пережил и Филодору Благочестивую, умершую от разжижения мозга, и еще двух королей, но неосмотрительно попался на глаза каким-то сельским детям. Закон о драконах никто не отменял, но уничтожать последнего представителя все-таки не стали, объявили опасным преступником и отправили на каторжные работы – пламя в кузне раздувать. Тем дракон и жил. И, естественно, Главный Советник прекрасно знал о его существовании. Дракон подполз к людям и выжидательно посмотрел в их слегка перепуганные лица. Глаза дракона гноились, с когтей отслаивались роговые пластины, а на чешуе кишели какие-то паразиты. Грозный зверь слабо шамкнул пастью, полной пеньков, оставшихся от сгнивших клыков. Из пасти пахло тухлятиной.

– Зачем нам это чудище, созерен? – созерцая дракона, воскликнул испуганный Кевин.

– Он перевезет нас в Низину, – спокойно ответил герцог, хотя обычно он не снисходил до объяснений своих поступков подчиненным.

– Дракон слаб, – проницательно заметил Костнер. – Его крылья напоминают старые рваные простыни. Он с места подняться не сможет.

– Сможет, – уверенно сказал герцог Рено и подошел к дракону вплотную. Тот чуть попятился и всхлипнул. Герцог извлек откуда-то из потайного кармана малый кинжал...

– Бить столь больную и жалкую тварь – все равно, что заставлять плясать безногого калеку, – прошептал почитатель рыцарской этики Костнер и брезгливо скривил губы под длинными усами.

Но герцог вовсе не собирался бить дракона. Кинжалом он резко и сильно полоснул себя по левой ладони и оросил своей кровью полуотверстую драконью пасть. Казалось, крови вытекло совсем немного, но с последним Тарсийским Драконом, едва его вываленного языка коснулись благородные алые капли, произошла разительная перемена.

Он мгновенно похоршел и налился силой. В глазах, окаймленных золотым ободом, вспыхнул бело-сиреневый огонь. Чешуя засеребрилась, как только что отчеканенные монетки. Из глотки раздался суровый рык, а когда дракон пошире открыл пасть, то казалось, что его новые отросшие клыки сверкают, словно расплавленное золото. С треском, похожим на треск рвущейся парусины, дракон раскрыл крылья. Они были грандиозны и переливались всеми цветами радуги.

Сверкающие глаза преданно посмотрели на герцога, а жуткий драконий язык ласково облизал окровавленную ладонь.

– Приказывай, господин, – прорычал восставший из за-

бвения дракон.

– Отвези меня и моих слуг к воротам Низины Плача. Ты видишь, в каком состоянии дороги...

– Как будет угодно господину.

Герцог Рено, проявив поистине юношескую ловкость, взгромоздился на холку дракона и махнул рукой своим васалам:

– побыстрее, господа. Мое дело не терпит отлагательств.

Рыцари Кевин и Костнер, поминутно поминая про себя злых гламуров, кое-как пристроились меж крыльев, моля милостивое небо сохранить хотя бы их честь, если насчет их жизней наверху имеются другие планы... Но дракон взмыль ввысь и пошел над раскисшей дорогой так плавно, как летает не всякая птица. И это успокоило свиту герцога. А Костнер пришел в себя до такой степени, что шепотом рассказал юному Кевину, что их созерен оживил дракона древним, забытым способом. Что, мол, старый больной дракон оживет, наберется сил и помолодеет, если вкусит крови истинного аристократа и храбреца. И тогда станет верным его слугой. А ежели, допустим, напоить старого дракона кровью девственницы или женщины вообще, ничего хорошего не будет: превратится тогда дракон в страшный не убиваемый скелет ходячий и примется творить зло и непотребство...

Сам герцог вполуха слушал эти рыцарские байки и лишь крепче держался за кожистый выступ на холке своего крылатого транспорта. Про себя он уже решил, что пойдет на

должностное преступление, но дракону этому помереть на каторге не даст, а заберет его к себе в замок. Благо замок герцогов Дюбелье-Рено находился в лесах, укрывавших его от посторонних глаз, а от непокорного Деметриуса отделялся еще и лагуной. И еще мучила герцога одна мысль. Придется замку Рено дать убежище не одному, а двум каторжникам.

При помощи дракона до Низины Главный Советник с охраной добрались за несколько минут. Дракон приземлился у врат тюрьмы, проржавевших, но достаточно крепких для того, чтобы выдержать не одно восстание каторжан.

– Что еще угодно господину? – склонив сверкающую голову, поинтересовался дракон.

– Ожидай меня и моих спутников здесь, – отвечал герцог. – Да, и вот еще что... Носил ли ты когда-нибудь имя?

– О нет, господин. Мне его некому было дать.

– В таком случае нарекаю тебя именем. Имя тебе да будет... Диггер.

Дракон аж весь засветился:

– Благодарю тебя, мой господин! Это прекрасное древнее имя драконов... Я твой слуга навек!

– Тогда подожди меня тут, пока я не вернусь. Я думаю, что целый век ждать не придется.

И герцог Рено приказал своим вассалам ударить боевыми топорами во врата.

– Именем Главного Советника, откройте! – взревели в один голос Кевин и Костнер.

Во вратах отверзлось малое неприметное окошечко, и противный голосок осведомился:

– Перепились до синих гламуров, грязное быдло?

И окошечко захлопнулось.

Рыцарь Костнер что было мочи замолотил по вратам – так, что в стороны полетела деревянная щепка да ошметки ржавчины:

– Открывай, пададь, кто б ты ни был! Здесь великий герцог, и, если ты хоть на мгновение промедлишь, я выверну твою поганую шкуру наизнанку и набью ее сенной трухой!

За вратами послышалась странная возня. Наконец окошечко открылось на полпальца, не шире, и тот же, но уже с ноткой растерянности голосок осторожно поинтересовался:

– Бредд и Пит, разве это не вы, парни?

Еще один удар топора в ворота и очередной вопль герцогских вассалов убедили привратника, что ломаются к нему все не Бредд и не Пит.

Герцог, стоя чуть в сторонке, наблюдал эту сцену со смесью легкого неутомительного гнева и сарказма. Однако когда врата открылись и кипящие гневом Кевин и Костнер кинулись на привратника с намерением изрубить его в куски за непослушание, герцог Рено счел нужным вмешаться лично.

У его ног скорчился плюгавый мужичонка, заросший волосами, торчащими во все стороны из-под старого шлема. Занесших было топоры рыцарей, герцог остановил мановением руки, а коротышку небрежно ткнул в плечо острым

носком блестящего сапога:

– Встань!

– Ой, не встану! Ой, помилуйте! Ой, проститевиноват-
большенебуду! Обознался! – приглушенно вопил приврат-
ник. – Ой, пощадите! Не губите! Ой!

– Встань, когда тебе приказывает великий герцог! – тер-
пеливо повторил Рено. – И не бойся. Никто без моего при-
каза тебя не тронет.

Мужичонка встал, и оказалось, что росточком он чуть вы-
ше герцогского сапога. Физиономия привратника так зарос-
ла бородой и бровями, что рассмотреть ее не представлялось
никакой возможности. Да герцог и не всматривался в физио-
номию – он с первого раза определил, кто перед ним стоит.

– Гноттиб?

– Да, мой господин. Гноттиб Оттмар к услугам вашим,
господин...

– Ты подумай! – ахнул старый вояка Костнер. – А я-то
считал, что все гноттибы давно повывелись, потому как зо-
лото, алмазы да сладкие темные плитки в горах уже, почи-
тай, двести лет никто из них не добывает...

– Истинно так, о славный рыцарь! – Мужичонка покло-
нился в его сторону. – При королеве Офонарелле нас объ-
явили вне закона и забрали все наши рудники и сокровищ-
ницы, объявив их королевским достоянием. С тех пор все
гноттибы потихоньку перемерли на каторге. Правда, некото-
рым вроде меня, недостойного вашего раба, удастся занять

приличную должность и даже обзавестись семьей.

– У тебя есть семья? – спросил герцог, рассеянно оглядываясь кругом. Бесконечные грязные стены с решетками, каменные колодцы, тропинки между чередой тюремных построек... Воистину лабиринт.

– Есть, о господин, – ответил меж тем гноттиб и снова завопил: – Не губите! Пощадите!

– Я вовсе не собираюсь никого губить, – холодно сказал герцог. – Мне просто нужен проводник, который хорошо знает самую короткую и хотя бы относительно чистую дорогу к местам заключения опасных государственных преступников.

– Папочка, я смогу показать дорогу! – раздался откуда-то из дровяного завала тонкий голосок, и пред очи герцога явилась девочка ростом не выше десяти даймов, в сереньком заплатанном, но чистом платьишке и с косыночкой на пушистых волосах.

– Аванта, кто тебя просил вылезать? – обреченно поглядел на дочку гноттиб. – Я сам послужил бы господину.

– Тебе надо сидеть у врат, – резонно, как взрослая, заявила Аванта, после чего присела в поклоне перед господами. – Я знаю дорогу. Я туда часто ношу заключенным пищу.

– Разве нет для того охранников? – удивился Кевин.

– Были, добрый рыцарь, – вздохнул гноттиб. – Да только постепенно перемерли все: кто от болезней, кого пырнули заточкой матерые беззаконники, коим уж и терять нечего,

а кто спился... Да и просто помирали от старости, это ведь только наше племя по триста лет живет. А новых людей для охраны давно не присылают. Остались вон только Бредд да Пит, с которыми я вас спутал, да и те как уйдут в воровской кабачок, так и не знаешь, вернутся ли...

– Довольно разговоров, – решительно бросил герцог. – Девочка, веди нас к узилищу, в котором заключен Уильям Магнус Гогейтис.

На лице гноттибов – папы и дочери – читалось недоумение.

– Я никого из тамошних дяденек по именам не знаю, – растерянно сказала девочка. – У них у всех прозвища смешные.

– Он был ученым, – добавил для ясности герцог. – И магом.

– А-а! – обрадовалась Аванта. – Так тут его прозвали Чумной Вилли! Потому что он все время толкует про какие-то непонятные вещи.

Герцог облегченно выдохнул:

– Он жив?

– Да. Я отведу вас к нему.

Чумной Вилли, бывший некогда магистром Уильямом Магнусом Гогейтисом, сидел в камере с окошечком, дававшим света ровно столько, сколько надобно, чтоб не ослепнуть, и, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону, что-то бормотал себе под нос:

*А сад зарастает жасмином,
Тот к небу приравненный сад...
Ты стал безмятежным и смирным,
Чему удивляешься сам.
Ты пьешь с ней вино на веранде,
Где вечер, и столик, и плющ...
И ты позабыл, чего ради
Когда-то был столь всемогущ.
И ты позволяешь покорно
Себя забавлять и сердить.
И возглас забытый: «По коням!»
Тебя перестанет будить.
И ночью, блаженством измучен,
Ты шепчешь о давней тоске.
И лунный ласкающий лучик
Лежит у нее на руке...
В глазах ее светится жалость,
Ты спишь на груди у нее...
А лучик вдруг станет кинжалом
И в сердце вонзится твое.*

«Стихотворец», — с неудовольствием подумал про Уильяма герцог, покуда отпирали дверь в каморку. Впрочем, это была даже и не дверь, а просто решетка из мореных балок. Видно, не боялись, что такой заключенный сбежит.

Заслышав скрип открываемой двери, Уильям вздрогнул всем телом и посмотрел на вошедших. Герцог тоже уставился на бывшего политэмигранта. Во все глаза.

«Да, уж лучше бы она его тогда четвертовала, чем так мучить!»

Уильям за годы своего заточения иссох телом и уподобился древнему, сломленному болезнями старику. Резкий контраст его худобе составляли ноги: они безобразно распухли, так что кожа на них натянулась и блестела, только блеск этот был страшный.

Всего и осталось прежнего в великом ученом, что одни глаза. И взгляд насмешливый и гордый, как у абсолютно свободного человека. Этим взглядом Чумной Вилли словно пригвоздил герцога к стене, и тот, вопреки всем установленным регламентам, первым поздоровался с заключенным.

– Здравствуй, Уильям, – только и сказал он.

– Приветствую вас, Главный Советник! – с насмешливым полупоклоном ответил Уильям. – Я ожидал увидеть в сей юдоли печали кого угодно, только не вас. Что, королева решила-таки меня казнить? Прелестное она создание! Милосердное, доброе и благоразумное до чрезвычайности! Я отправлюсь на плаху, сочиняя элегический экспромт в ее честь! Что-нибудь в духе: «О опаляющая страсть, сколь ты сладка! Сгорев в тебе, я превратился в облака...» А?! Только вот незадача: сам-то я, своими ногами, к месту казни не доберусь. Придется на руках меня нести.

– Не городи чепухи, – тихо произнес герцог и подошел к Уильяму вплотную. Его сразу замутило – запах от давно немытого тела и колодой лежащих ног был чудовищен. Но

Главный Советник пересилил себя. – Что у тебя с ногами?
– Гнилостная водянка, созерен, если вам о чем-то говорит наименование сей плебейской болезни.

– Значит, мои люди понесут тебя отсюда на руках.

В глазах неунывающего Гогейтиса мелькнуло некое подобие страха:

– Все-таки казнь... Так стоит ли трудиться! Уж лучше здесь... Не сходя с этого места. И на погребение расходов не понадобится.

– Дело не в казни. Я все объясню тебе позднее. Лучше будет, если ты помолчишь до тех пор, пока... Пока поймешь, что говорить уже можно.

Кевин и Костнер, содрогаясь от брезгливости, подхватили Уильяма на сцепленные руки. Ноги у того неловко скребнули по полу, и ученый застонал.

– Аккуратнее с ним, – приказал герцог, заметив, как по немытому лицу Чумного Вилли от боли градом покатился пот.

Обратно из казематного лабиринта они шли быстрее: впереди девочка и герцог, сзади, распространяя тяжелый запах нечистой плоти, рыцари с ученым на руках.

У врат герцог задержался на миг, дал девочке несколько монеток, а ее отцу сказал:

– Этого заключенного мы забираем по особому распоряжению столицы. Но будет лучше, если ты на вопросы о нем (а вдруг найдутся те, кто станет тебя расспрашивать про то,

куда делся Чумной Вилли) станешь говорить, что он умер. От гнилостной водянки.

– Понял, понял вас, мой господин! – Гноттиб непрерывно кланялся.

– И лучше тебе и твоей дочурке забыть, что мы здесь были.

– Мы уже ничего не помним, господин! – заверил страж.

– Вот и отлично.

Они вышли из Низины Плача и направились напрямиком к ожидающему их дракону. Уильям, узрев чудовище, просто-на-простонал: «Я сошел с ума!» – и потерял сознание.

– Он обеспамятел, созерен, – беспокойно констатировал Кевин, рассматривая вызволенного страдальца с неподдельным ужасом.

– Это даже хорошо. Положите его меж крыльев и поддерживайте, чтоб не упал. Главное – довезти его до кареты, а уж там его сознание – моя забота.

Дракон снова выполнил свою миссию и теперь находился возле кареты, приняв выжидательную позу и преданно глядя на герцога. А у того внезапно заболела голова.

«Что я делаю? Какие все же неловкие эти парни, Кевин с Костнером: сунули Уильяма в карету, как куль с мукой. У кучера глаза безумные. Он может донести на меня. Впрочем, его донос все равно попадет ко мне в руки. Стоп. Это несущественно. Вот что важно: неужели я действительно верю в

то, что Гогейтис был прав в своих теориях и у него... у нас... получится? Нет, пока об этом не смей и думать. Его сначала надо поднять на ноги, откормить. Хорошо, что у меня в замке есть отличный лекарь».

Герцог уже садился в карету, кони тронулись было прочь, назад, в места, где не водятся драконы, но тут его остановил взгляд Диггера.

Преданный взгляд дракона, поверившего, что у него появился истинный господин.

«А кстати, что я буду делать с этим чудищем?»

– Диггер!

– Да, мой господин.

– Ты запомнил мой запах? Запах этой кареты?

– Да, мой господин.

– В таком случае следуй за нами, но сделай это так, чтобы тебя никто не увидел.

– Слушаю, мой господин, – отчеканил Диггер и провалился сквозь землю.

Именно.

Провалился сквозь землю.

– Я прекрасно чую ваш запах, – донесся из-под земли глухой рык. – И буду следовать за вами, куда бы вы ни направились.

– Вперед! – приказал герцог своему кучеру.

Герцогская карета неслась прочь от проклятых каторжных мест, аристократические кони мчали так, словно им под

хвосты насыпали черной едкой пряности из Кайенны. А за каретой тянулся еще один странный след: словно под землей бежал гигантский зверь-носорожка...

До замка герцога Рено они добрались уже затемно. Но в замке во всех окнах горел свет: челядь была предупреждена о приезде созерена.

Герцог прошел в главную залу, отшвырнул плащ и перчатки и потребовал лекаря. Прибежавший лекарь Жан С'едуксен кинулся было к господину, но тот указал на бесчувственного Гогейтиса, которого как раз вносили в залу рыцари Кевин и Костнер.

– О святой Унгиентум, покровитель лекарей! – воскликнул С'едуксен, мгновенно произведя первичный осмотр. – Этот человек страшно болен. Он буквально при смерти, мой созерен.

Герцог одарил лекаря взглядом, от которого можно было воспламенять камин.

– Ваша задача, мессер С'едуксен, – вылечить этого человека, чего бы вам это ни стоило. Иначе при смерти окажетесь вы. Это дело государственной важности.

– Да, мой созерен.

– Отлично. Принимайтесь за дело немедленно.

Мессер С'едуксен кликнул слуг, и те по его торопливым приказам унесли Гогейтиса в лекарскую. Тут же вошла служанка с небольшой жаровней, курящейся ароматами – что-

бы изгнать из залы тяжелый, неприятный дух, оставшийся от больного.

Но Главный Советник уже не слышал ни аккуратных шажков служанки, ни того, как бесшумно удалились восвояси верные вышколенные служаки Кевин и Костнер... Герцог Рено рухнул в высокое неудобное кресло и заснул как убитый от усталости и пережитых волнений. И ему снилась беспутная королева Абигейл, выходящая обнаженной из зеркального стекла, вся усыпанная блестками и выступившими от порезов капельками крови. Это сновидение внушало Главному Советнику отвращение и одновременно возбуждало, словно юношу, еще ни разу не познавшего женского тела.

А дракон Диггер выполз из-под земли аккуратно перед воротами замка. Хорошо, что на дворе стояла глухая безлунная ночь, и на появление дракона отреагировали только местные собаки. Дракон отряхнулся, втянул ноздрями воздух и взлетел. Сделав круг над замком, он ринулся к пещеркам возле лагуны.

– Хорошее место. Здесь буду жить и ожидать приказов моего господина.

И дракон тоже заснул, сомкнув блестящие веки и своим сонным сопением подогревая воду лагуны. Диггеру снилось, что он превратился в странного маленького и юркого зверька, которому приходится бегать и собирать блестящие кристаллы, да еще при этом уворачиваться от разных других зверьков, так и норовящих его схватить.

За те два дня, что прошли с момента вызволения Уильяма Магнуса Гогейтиса из Низины Плача, герцогу Рено пришлось совершить огромное количество государственных и почти государственных дел.

Во-первых, до широких кругов общественности была доведена сочиненная Советом байка о благочестивом паломничестве королевы Абигейл. Герцог отлично понимал, что байки этой надолго не хватит. Тем более что в дворцовой картинной галерее ему «случайно» повстречался посол (наверняка бывший еще и шпионом!) маленького, но крайне склочного островного княжества Хрендаредис и язвительно поинтересовался, кутаясь в свой меховой палантин, с каких это пор Ее Величеству приспичило стать благочестивой. Мол, рановато думать о совершенствовании духа в возрасте, когда сладкая плоть так и играет, как сок перебродивших ягод хмеленики... Достоинство поставить охамевшего посла на место герцог пока не мог, лишь стиснул зубы и чрезвычайно вежливым тоном порекомендовал господину послу ходить по дворцу аккуратнее – не ровен час, поскользнется, потому как полы хорошо натерты.

Один посол – это мелочь. Вот то, что Континент Мира и Свободы неожиданно прислал в Совет официальный запрос о здоровье королевы, было куда как худо. Но и на за-

прос Главный Советник сумел ответить достойно, и обтекаемо: чтоб у могущественных соседей не возникло никаких подозрений, а вместе с подозрениями – желания ввести в Тарск миротворческие войска.

Во-вторых, герцог приватно встретился с капитаном Лавдисом, выслушал его доклад, помрачнел, но повелел пока действий никаких не предпринимать и держать все узнанное в глубокой тайне.

В-третьих, памятуя о том, что лучшим средством против народного недовольства является какое-нибудь малозначимое торжество, обязательно сопровождаемое дешевой ярмаркой и выпивкой, Главный Советник, посоветовавшись по этому поводу с остальными членами Совета, объявил «от имени королевы» Весеннюю Нерабочую Неделю (которой не было даже при вступлении Абигейл на престол), и народ принялся просаживать в кабаках оставшиеся от уплаты налогов деньги и славить свою повелительницу.

Однако на самом деле для герцога все эти государственные дела были вовсе не важны. Он с нетерпением ждал только одного. Впрочем, ожидания герцога вот-вот должны были увенчаться успехом.

Когда герцог из столицы возвратился в замок, первым делом он прошел в комнату, которую занимал больной Гогейтис.

Сиделки и мессер С'едуксен знали свое дело: вымытый, аккуратно выбритый и подстриженный Уильям Магнус ле-

жал в чистой сорочке на благоухающих простынях с герцогскими монограммами. Однако лицо ученого и мага все еще оставалось изжелта-бледным, да и немудрено – за два дня вернуть человеку здоровье и силы, которые из него высасывали мертвые каторжные камни несколько лет подряд, может только чудо.

Мессер С'едуксен, дежуривший у постели больного, торопливо поднялся навстречу герцогу.

– Как он? – негромко спросил Главный Советник.

– Он позавтракал, принял лекарство, а сейчас задремал, – кланяясь, ответил лекарь. – Я делаю все возможное, созерен, но этот человек чрезвычайно слаб. К тому же болезнь его ног... Она неизлечима. Медицина не нашла еще способов бороться с гнилостной водянкой.

– Эта болезнь опасна?

– О да, созерен! Гнилостные жидкости скоро распространятся по всему его телу и, когда дойдут до мозга...

Герцог стиснул кулаки. Потеря ученого никак не входила в его планы.

– И ничего нельзя сделать, мессер?

– Возможно только одно, мой созерен, – Жан С'едуксен горестно развел руками, – ампутация ног. Причем срочная.

– Брешет ваш лекаришка и денег за брехню не берет! – послышался от кровати слабый, но весьма насмешливый голос. – И где их только учат, докторов этих?! Им бы только резать да потрошить!

Герцог и доктор повернулись к кровати. Больной, оказывается, вовсе не спал и, по-видимому, слышал весь их разговор.

– Приветствую вас, герцог! – Премудрый Гогейтис слабо махнул тоненькой, похожей на костяную флейту рукой. – Скажите мне, уж не грежу ли я – Главный Советник приютил в своем замке гнусного и проклятого по приказу Ее Величества каторжника?

При этих словах мессер С'едуксен страдальчески охнул, а герцог поморщился.

– Прекрати, Уильям. Я хочу вернуть тебя к полноценной и здоровой жизни.

– Зачем? – Изобретатель Вычислителя скептически поджал бескровные губы.

– Я объясню это позже. Когда ты выздоровеешь. Гогейтис присвистнул.

– Видно, я за чем-то очень важным понадобился. Государственное дело! – И глупо захихикал, а герцога при этом смехе пронзила ужасная мысль о том, что его подопечный помешался, и острый ум Уильяма также источила каторжная гниль, превратив в ничемную труху.

Но Гогейтис развеял его сомнения. Он перестал смеяться и серьезным взглядом посмотрел на герцога и доктора.

– Господин Советник, – сказал он герцогу, – мессер С'едуксен, конечно, прекрасный лекарь, и я прошу у него прощения за насмешку. Но в свое время я изучал такие виды

лечений, которые не известны официальной медицине. И я знаю, что в надлежащих условиях и при приеме определенных эссенций моя болезнь исчезнет буквально за несколько дней.

– Но это невозможно... – прошептал доктор.

– Возможно, – заверил того Гогейтис. – И ежели по моему требованию будут мне предоставлены необходимые составляющие для лекарства, а кроме оных – бадья с водой, в которой три часа кипятили двухфунтовый слиток чистого серебра... Мои ноги станут прежними. Я уверен. Знания меня еще никогда не подводили.

– Какое самомнение! – почти беззвучно шевельнул губами доктор С'едуксен. Его врачебное самолюбие было сильно задето, но перечить больному, в выздоровлении которого был серьезно заинтересован сам герцог, он не смел. Ибо все, кто когда-либо и в чем-либо противоречил Главному Советнику, находили свой последний приют в глубоком и безмолвном Колодце Смерти, выстроенном специально для окончательного усмирения непокорных. Колодец был выложен еще при прадеде нынешнего герцога, и, как гласит семейная легенда, первыми, кто упокоил свои кости на дне его, были сами строители. Их просто передумали поднимать на поверхность. К тому же и деньги сэкономили – некому стало платить за работу... Мессер С'едуксен поежился, поймал на себе взгляд герцога и весь обратился в слух.

– Хорошо, Гогейтис, – кивнул герцог, – тебе будет предо-

ставлено все, что пожелаешь. Мессер С'едуксен, вам вменяется в обязанность во всем помогать этому человеку. И если он потребует для своих эссенций толченых алмазов или кошачьей слюны – не спорьте с ним, а принесите требуемое.

Насчет кошачьей слюны герцог как в воду глядел. Она действительно понадобилась. Причем в таком количестве, которое никак не могли дать полдюжины замковых кошек. Пришлось слугам погонять по окрестностям, поискать бродячих котов и стрбовать с них дань именем герцога.

Уильям Магнус, из постели пересаженный в кресло, вплотную приставленное к длинному столу, на котором, как в прежние времена, громоздились стеклянные армады колб, реторт и мензурок со странными жидкостями, кропотливо перемешивал добытую слюну с тремя частями порошка взрывчатой верогнезии, частью перетертых листьев королевского едра и пятью частями топленого мосольего жира. После чего поставил смесь подогреваться в небольшом сосуде. Вонь при этом пошла по комнате такая, что мессер С'едуксен закашлялся и кинулся отворять окна.

– Никаких сквозняков, доктор! – завопил Гогейтис. – Закройте окна немедленно, иначе не будет положенного результата! Что, воняет? Разве это вонь? Мессер С'едуксен, если вы решились идти тернистым путем познания, приготовьтесь к тому, что благоухать этот путь будет отнюдь не цветочными ароматами!.. Вы приготовили вытяжку из кулыбьей желчи?

Извольте подать ее сюда.

Готовая эссенция, которую Уильям предполагал выпить через три дня, в час нарождающейся луны, и с особыми заклинаниями, отстаивалась в специальном темном месте, которым стал потайной стенной шкафчик герцога. До принятия эссенции Уильям успел трижды по три раза окунуться в пресловутую бадью с водой, где плавал серебряный слиток. Герцог, разумеется, не присутствовал на процедурах, но, навещая больного, с затаенным волнением вглядывался в него: произошли ли хоть какие-то изменения? Ведь время так дорого! И им еще столько предстоит сделать (хотя Уильям еще и не подозревает об этом)!

Наконец наступил и почитаемый магами и звездочетами «час рождения луны». В этот час все в замке спали, даже герцог. Только Уильям Гогейтис сидел в кресле у окна и нетерпеливо смотрел на ночное небо. В руках он сжимал флакон с чудодейственной эссенцией. Сердце его глухо и тяжело стучало.

– Пора, – выдохнув, прошептал он и махом опрокинул в глотку содержимое флакона.

Народившаяся тарсийская луна, похожая на зеленоватое незрелое яблочко, через некоторое время осветила комнату, в которой несколько часов назад сидел ученый. Комната оказалась пуста. Пусто было и кресло, поваленное набок. А в герцогском крытом цветнике кто-то всю ночь отплясывал так, что с кустов летели первые робкие листочки да хрустел

гравий под сильными ногами. Невидимыми ногами.

– Доброго вам утра, созерен, – вкрался в еще сонное сознание герцога Рено чей-то очень знакомый голос.

«Какого гламура! Как смеют слуги будить меня в такую рань?!»

И тут герцог окончательно проснулся. Во-первых, слуги обращаются к нему не иначе как «мой созерен», а во-вторых...

Герцог вскочил с постели и быстро оглядел свою опочивальню.

В опочивальне никого не было.

И тут герцог едва сдержал себя, чтобы не завопить. Потому что брошенный им с вечера в кресло халат вдруг поднялся, распылил рукава, а затем принял форму некой фигуры. Которая его надела.

– Надеюсь, вы простите мне эту вольность, созерен. Я за прошедшую ночь замерз просто как гламур. А ваш халат такой теплый...

И тут герцог узнал голос.

– Уильям?!

– Да, созерен.

– *Но каким образом?!*

Халат беспечно взмахнул пустым рукавом. Герцог кинулся к рукаву и вместо пустоты ощутил руку. Крепкую мужскую руку.

– Поверьте, герцог, это я, а не утреннее похмельное виде-

ние. Тем более что вы не пьете.

– Скоро начну, – выдохнул герцог и сел в кресло. – Как это могло произойти?

– Герцог, вы же помните, что сегодняшней ночью я должен был испытать приготовленный мной эликсир, чтобы раз и навсегда избавиться от болезни ног.

Эликсир я выпил и тут же почувствовал во всем теле, и особенно в ногах, небывалую бодрость и силу. Я посмотрел на свои ноги – они стали прежними, как до болезни. Я возликовал, вскочил, ощущая себя всесильным – ведь я отнюдь не был уверен в положительном исходе лечения! О таких методах я, еще будучи студиязусом, прочел в книге известного мага-лекаря Аль-Буцида, и вот теперь эти методы оправдали себя! Я хотел было тут же броситься к вам, известить о том, что здоров, но, оглядев себя, вспомнил, что согласно условиям лечения я принимал эликсир, полностью обнажившись! И вот тут произошло неожиданное. Я еще раз оглядел себя и в замешательстве увидел, что тело мое становится как бы стекловидным и прозрачности в нем прибавляется буквально с каждой минутой! Я еще успел броситься к зеркалу, чтоб посмотреть на себя и увидеть, как я становлюсь невидимкой!

Халат комически заломил руки над тем местом, где полагалось быть голове.

– Поначалу я страшно расстроился и испугался. А если вслед за невидимостью мое тело начнет распадаться на крохотные частицы?! Но потом я успокоил себя изречением ве-

ликого ученого Жан-Клода ван Дайума о том, что истинный исследователь и слуга знания не должен ничего бояться. Подвергнув мысленному анализу произведенные мною операции, а также состав той эссенции, которую я выпил, я с великим облегчением вспомнил о том, что бадмиевые соли, катализируя синтез животных белков и порошка пульфида матримония, поэтически названного Аль-Буцидом «перхоть столетий», могут дать такой побочный эффект, как невидимость! Вреда организму от этого никакого, на мыслительные и... прочие процессы невидимость не влияет... Так что, Уильям Магнус Гогейтис теперь здоров и к вашим услугам, созерен!

Герцог помаленьку пришел в себя.

– И как долго ты будешь невидимкой? – Все-таки общаться с пустым халатом ему, хоть и привыкшему за насыщенную интригами дворцовую жизнь к разным ужасам, было как-то неприятно.

– Не думаю, что долго, – жизнерадостно заверил Уильям, но тут же добавил: – Впрочем, это зависит не от моего желания, а от времени процесса полураспада...

– Ах, оставь свои научные словеса! – Герцог стиснул голову ладонями. – Лучше скажи: чем тебя теперь кормить? Как ты слугам покажешься? Они же все сбегут из замка и разстреляют на округу, что я поселил у себя черного колдуна!

– Не волнуйтесь, созерен. Полагаю, этот вопрос уладится. Тем более что меня ждут некие более серьезные проблемы,

не так ли?

Главный Советник усмехнулся:

– Воистину так.

Когда герцог Рено, запершись с укутавшимся с головы до пят в старую мантию невидимкой Уильямом в кабинете, разложил перед Гогейтисом чертежи, свитки с записями, толстые тетради, исписанные корявым почерком Магнуса, тот ахнул от восторга:

– Неужели вам удалось сберечь мои научные изыскания?!

– К сожалению, не все. Сам понимаешь, в какой ярости была тогда Абигейл...

Ученый тихо ругнулся и зашуршал чертежами. Он так увлекся, что даже мантия сползла с его невидимых плеч.

– Да, жаль, конечно, разработок и подсчетов... Жаль теории Хаотических Последствий... А моя бесценная Омега-книга! Неужели ее больше нет? Впрочем, хорошо, что хотя бы Альфа-книга осталась: в ней есть немало полезного... Послушайте, герцог... Вы случайно или намеренно сохранили все мои записи, касаемые гипотезы, трактующей Систему Окон?

– Уильям, не забывай, с кем говоришь.

Невидимка хмыкнул.

– Я помню, созерен. Только сейчас я вам нужен. Потому что этих чертежей никто как положено, не прочтет, кроме меня. Потому что вы вытащили меня из тюремного каземата.

И небольшое нарушение политеса не должно вас раздражать.

– Хорошо, – терпеливо кивнул герцог, – согласен. Пороть за непочтение к господину тебя не будут.

– Пороть?! – Невидимка совсем сбросил мантию и расхохотался. – И думаете, я позволю нащупать, где у меня задница?!

Тут уж захохотал и герцог. Хотя он и был Главным Советником и человеком, облеченным великой властью и ответственностью, иногда ему хотелось вспомнить, каково это – быть обычным. Впрочем, он мгновенно посерьезнел:

– Уильям, дело тебе, да и мне тоже, предстоит действительно важное. Абсолютно тайное и, надеюсь, выполнимое. И здесь все зависит только от тебя.

Скрипнул придвигаемый к столу стул. Невидимка уселся, натянув на себя мантию – в кабинете сквозило.

– Объяснитесь, созерен.

Герцог мрачно посмотрел на настенный гобелен с вытканым гербом своего рода. Прижал палец к губам и, доставая кинжал, бесшумно подкрался к гобелену. И нанес точный колющий удар – прямо в серебристый цветок элриса, что красовался в центре герба.

Ничего не произошло.

Герцог вытащил из гобелена чистый кинжал, потом откинул и сам гобелен. В узкой нише, кроме дюжины спасающихся отчаянным бегством пауков, никого не было.

– Гламур меня побери, – задумчиво проговорил герцог,

возвращаясь к столу и пряча кинжал. – Слуги перестали подслушивать тайны своих господ! Что творится, а?! Воистину, грядет гибель королевства... Слушай меня, премудрый Уильям. Мы лишились королевы. Абигейл сбежала с любовником. По всей видимости, безвозвратно.

– Так это ж просто замечательно! – хихикнул Гогейтис.

– Ничего замечательного! – рыкнул герцог. – Внутри страны сейчас полный бардак: народное недовольство, голод, мор, шайки бандитские разгулялись вовсю. Позавчера вон какие-то немытые уроды сожгли здание королевского театра. А сколько внешних врагов точит на нас зубы! Одна Славная Затумания чего стоит...

– Погодите, созерен... Неужели королева Абигейл была настолько значимой политической фигурой, что...

– Нет, конечно! Цена на нее в политике – как наемнику-душителю – в вышивании. – Герцог поморщился. – Но она была *королева*. Какая-никакая, а представительница ВЛАСТИ. СИЛЫ. И народ в нее истово верил. В ее благородство, милосердие, заботу об убогих и сирых... Мол, аристократы и владетели наши плохие, а вот Ее Величество – заступница. Благодетельница. Ты представляешь, что начнется, когда и Тарсийское Ожерелье, и весь остальной мир узнают, что благодетельница сбежала, как блудливая девка?! Да нас растопчут! И первый, кто Тарсийский архипелаг на кусочки разберет, будет этот клятый Континент Свободы. Они сюда мигом отряды своих стальных головорезов введут!

Лицо герцога пылало. Он нимало не был патриотом. Но он присягал ей на верность. Ей, этой стране. А не королеве. И волей-неволей приходилось следовать присяге.

– Я вас понял, созерен, – спокойно сказал Уильям. – Не могу уразуметь лишь одного: почему вы упускаете благоприятный момент для того, чтобы вернуть стране *короля*? Раз уж королева сбежала...

– Вилли, у нас больше *нет* королей. Ты, вероятно, не читал тарсийской летописи.

– Отнюдь. Читал и изучал с пристальным вниманием. И я помню, как это все началось.

– Ты про убийство безумного короля Бланка его женой Галлиной? Да, это был хорошо организованный дворцовый переворот. Причем до этого в истории Тарсийского Ожерелья переворотов было штук тридцать. Но удался только этот.

– Потому что его полностью организовали и провели женщины. *Только женщины.*

Герцог Рено как-то тоскливо усмехнулся и затем кивнул:

– До того самого момента никто, наверное, и не подозревал, что хрупкие, затянутые в корсеты создания с изнеженными руками и певучими голосами смогут вот так – всерьез и виртуозно уби... добиваться своего. И они добились.

– «Точность – вежливость королев! – воскликнула блистательная Галлина и вонзила кинжал точно в правое предсердие своего венценосного супруга...» – дословно процитировал Уильям фразу из летописи и зашуршал бумагами. –

Но, если сейчас в стране, по сути, нет королевы, почему ты не хочешь вернуть нормальный порядок вещей? Почему ты не хочешь королей? Или уже привык, как и остальные благородные и низкорожденные граждане этого славного государства, что вами верховодят бабы?

– Уильям! Не забывайся!

– Тогда почему? Это я насчет королей...

– Вот привязался, как гульфик к мошонке! Да откуда их теперь взять? Рассуди здраво, мой высокоумный и многознающий друг! Королями рождаются, а не становятся. Кровь королевская, наследственность, опять же... Но у нас в стране давным-давно принят закон, по которому монаршая власть передается только по женской линии. Это тебе не Континент Свободы, где к женщинам относятся как к недалеким бесправным существам, способным лишь рожать детей да скандалить по любому поводу. Откуда у нас теперь взяться королям? Очередная коронованная властительница может, если ей того возжелается, зачать и родить ребенка от кого угодно, хоть от конюха. Но родить только девочку. Наследницу престола. Если у королевы рождается мальчик, ей говорят, что она выкинула. А ребенка отдают в какую-нибудь бедную семью на самой окраине архипелага. Или вообще... Младенцы такие слабенькие, нить их жизни так легко рвется. Даже от случайного прикосновения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.